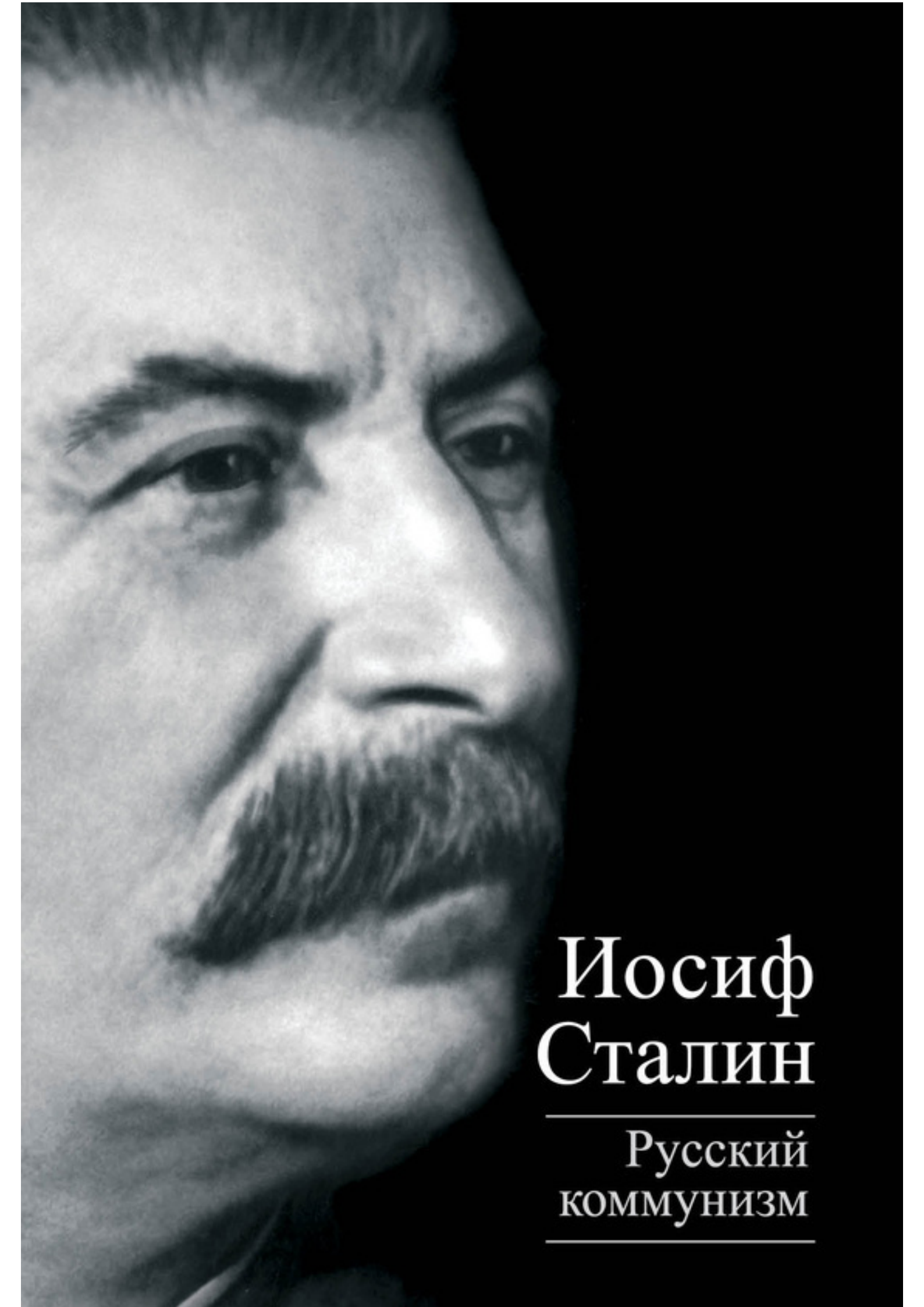

A high-contrast, black and white close-up portrait of Joseph Stalin. He is looking slightly to the left with a serious expression. His thick, dark mustache is prominent. The lighting is dramatic, with deep shadows on the right side of his face and forehead.

Иосиф Сталин

Русский
коммунизм

Титаны XX века

Иосиф Сталин

Русский коммунизм (сборник)

«Алгоритм»

Сталин И. В.

Русский коммунизм (сборник) / И. В. Сталин — «Алгоритм»,
— (Титаны XX века)

Сталин – это самый известный и самый неоднозначный из правителей России за всю ее историю. Поколения историков ломают копья вокруг его имени и его деятельности. В своих действиях Сталин всегда опирался на целый комплекс идей, продолжателем которых он был. Мы представляем самые главные, основополагающие работы Сталина, на которых и был основан «сталинизм», или, как его принято называть на Западе, «советский марксизм». Знакомство с трудами И.В. Сталина поможет читателям по-иному взглянуть на эту личность, глубже понять ее и оценить жизненную позицию человека, внесшего весомый вклад в мировую историю.

© Сталин И. В.

© Алгоритм

Содержание

Предисловие составителя	6
Анархизм или социализм?	9
I. Диалектический метод	11
II. Материалистическая теория	17
III. Пролетарский социализм	25
Марксизм и национальный вопрос	43
I. Нация	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Иосиф Виссарионович Сталин

Русский коммунизм

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие составителя

Эта книга охватывает долгий путь Сталина в той ипостаси, которую уже более полувека пытаются замолчать как его открытые противники, так и лживые «сторонники» – Сталина как марксистского теоретика.

Безусловно, Сталин был прежде всего практиком, и он сам не претендовал на то, чтобы встать в одном ряду с Марксом, Энгельсом и Лениным как теоретик марксизма, но и как теоретик он сделал многое, в том числе в таком мифологизированном и вызывающем трудности у марксистов наших дней вопросе, как национальный.

Хрущевская «десталинизация» поставила новые издания работ Сталина под фактический запрет, а после нее Сталина попытались сделать своим знаменем чуждые его идеям силы. От Сталина-революционера, Сталина-наркома по делам национальностей молодой Советской Республики, Сталина-руководителя социалистического строительства попытались отставить, лишь Сталина-руководителя «державы» (забыв о том, что разные «державы» служат разным классам).

Разумеется, Сталин как автор «Марксизма и национального вопроса» не нужен тем, кто называет себя его сторонником, но отрицает и революцию, и демократию, и право наций на самоопределение – таким шовинистам, как КПРФ и «Суть времени». Не нужен он и буржуазии, которая в зависимости от запросов момента делает из него то, кровавого маньяка, то сусального вождя. Неудобен Сталин-ученик и преемник Ленина, разумеется, и тем, кто хочет заменить марксизм-ленинизм какой-нибудь «модной» (хотя мода может быть и полувековой) теорией. Неудивительно, что марксистские труды Сталина сейчас больше известны в тех странах, где есть мощные боевые коммунистические партии, чем в России – тем важнее они для нас, российских марксистов.

Первая из работ, входящих в сборник – «Анархизм и социализм» – была написана на грузинском языке в 1907 г. Поводом для ее написания стала полемика с грузинскими анархистами, боровшимися против марксистов за влияние на социалистическое движения Закавказья, но значение этой работы выходит за узкие рамки местной полемики.

Еще молодой Иосиф Джугашвили, или «Коба» (псевдоним «Сталин» появится позже) подверг острой критике взгляды грузинских анархистов и их русских учителей – не остались незамеченными ни их эклектическая позиция в философии (далекая и от диалектики, и от твердого материализма), ни их верхоглядство («Анархисты одержимы одним недугом: они очень любят «критиковать» партии своих противников, но не дают себе труда хоть сколько-нибудь ознакомиться с этими партиями»), ни прямо вытекающее из незнания диалектики непонимание роли пролетарского государства в переходный период между капитализмом и коммунизмом.

Если «Анархизм или социализм?» был популяризаторской работой, то «Марксизм и национальный вопрос», написанный в 1912-13 гг. уже зрелым автором-марксистом, членом большевистского ЦК, стал одной из самых важных марксистских работ по национальному вопросу на все времена.

Будучи учеником Ленина, Сталин сыграл важную роль в полемике по национальному вопросу, развернувшейся перед Первой мировой войной. С одной стороны, ленинской позиции противостояли Роза Люксембург и польские социал-демократы, которые в борьбе со «своим», польским шовинизмом, дошли до отрицания права наций на самоопределение вовсе. С другой стороны – ревизионистские теоретики австрийской социал-демократии пошли на поводу у национализма, признав возможным деление социал-демократической партии по национальному (вместо территориального) принципу и создание в рамках государства искусственных

союзов граждан по принципу национального происхождения, разделяющих трудящихся разных наций вместо их сближения.

Показавший объективное существование наций Сталин стоит в этом вопросе выше, чем позднейшие теоретики, видящие в них лишь «воображаемую» общность и отрывающие процесс формирования наций от развития капитализма. С другой же стороны, Сталин не забывал о том, что нация объединяет представителей враждебных классов, что демократическое право народов решить свою судьбу самостоятельно может быть использовано и реакцией, а потому нельзя путать право с целесообразностью отделения; наконец, что национализм угнетенной нации порождается ограничительными и запретительными мерами со стороны нации угнетающей.

Ключевые принципы демократического решения национального вопроса, выдвинутые Сталиным – право на самоопределение, территориальная автономия, национальное равноправие, интернациональное сплочение рабочих – актуальны и в наши дни.

Серия лекций «Об основах ленинизма» подытожила ленинский период развития революции в России и мирового коммунистического движения – самому Ленину обобщить его не довелось. Отметив, что ленинизм стал «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», Сталин вступил в полемику как с теми, кто представлял ленинизм лишь как «применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки» (о, зюгановцы! Если бы вы были способны задуматься!), так и с теми, кто представлял учение Ленина лишь как «возрождение» революционного марксизма (определение, неизбежно замазывающее тот факт, что марксизм эпохи империализма не мог просто повторить марксизм доимпериалистических времен).

Без специфики России, впрочем, обойтись было нельзя – Сталин справедливо видел ее в том, что в нашей стране сплелись все противоречия империалистической эпохи – и, ударив, по такому реакционному институту, как царизм, рабочий класс России не мог не задеть и западных империалистов. И именно поэтому значение революции стало интернациональным («Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма»).

Причины, порождающие пролетарскую революцию, интернациональны, но сама она возникает там, где сплетаются все противоречия, а не там, где «больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии» – этот вывод следовало бы понять как склонным к примитивному евроцентризму троцкистам и реформистам, так и тем «коммунистам» от национализма, которые видят в социализме лишь рецепт для спасения «своей» нации, опуская социализм с роли всемирного революционного движения на роль узконационального лекарства от кризисов.

В этой же работе Сталин коснулся и крестьянского вопроса, еще раз подчеркнув двойственную природу крестьянства и его роль как союзника пролетариата, и национального, вновь вернувшись к демократическим принципам его решения, и вопроса о диктатуре пролетариата, разбиравшегося еще в «Анархизме или социализме».

В 1950 г. Сталину пришлось коснуться новой для него темы – лингвистики. Сосредоточение средств в советской науке на ключевых направлениях позволяло добиться выдающихся результатов в ряде областей, но оно же иногда позволяло получить поддержку правительства откровенным шарлатанам, обещавшим легкие успехи. В лингвистике такую роль сыграло уче-

ние языковеда Н.Я. Марра – Сталину пришлось вмешаться для защиты языкознания от псевдомарксистских искажений, и даже ярый критик Сталина Ноам Хомский признал эту работу «разумной».

Главным трудом последних жизни Сталина стали «Экономические проблемы социализма в СССР» – сейчас эта книга выглядит как грозное предостережение против введения рыночных методов в социалистическую экономику. От этих методов буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, прикрытые до поры красными флагами, не отказывались никогда – и немудрено, что раскритикованный в книге за предложение продать МТС колхозам экономист Венжер оказался сохранившим свои взгляды до конца жизни немарксистом, сторонником эсеровского «кооперативного социализма»¹. Однако и сталинскую работу нельзя назвать безупречной – справедливо назвав колхозную собственность низшей формой социалистической собственности по сравнению с общенародной и причиной сохранения товарно-денежных отношений в СССР, Сталин не показал связь остатков ТДО с классовой борьбой и даже возрождением капиталистических отношений, сосредоточившись на показе «строгих рамок» развитию товарного производства в капиталистическое. В «Экономических проблемах социализма в СССР» в целом верно показан путь к коммунизму, но не показаны его враги – указывать на врагов пришлось уже Мао Цзэдуну и Энверу Ходже в существенно ухудшившихся для марксистов-ленинцев условиях.

Юлий Михайлов

¹ Воейков М., Кузнецов Т., Никифоров Л. В.Г.Венжер – теоретик русского кооперативного социализма, URL: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/99_1/vensxr.htm

Анархизм или социализм?

Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба. А в ходе этой борьбы каждый класс руководствуется своей идеологией. У буржуазии есть своя идеология – это так называемый **либерализм**. Есть своя идеология и у пролетариата – это? как известно, **социализм**.

Либерализм нельзя считать чем-то цельным и нераздельным: он подразделяется на различные направления соответственно различным прослойкам буржуазии.

Не является цельным и нераздельным и социализм: в нем также имеются различные направления.

Мы не станем здесь заниматься рассмотрением либерализма, – это лучше отложить на другое время. Мы хотим ознакомить читателя только с социализмом и его течениями. По нашему мнению, это для него будет более интересно.

Социализм делится на три главных течения: **реформизм, анархизм и марксизм**.

Реформизм (Бернштейн и др.), который считает социализм только отдаленной целью и ничем больше, реформизм, который фактически отрицает социалистическую революцию и пытается установить социализм мирным путем, реформизм, который проповедует не борьбу классов, а их сотрудничество, – этот реформизм изо дня в день разлагается, изо дня в день теряет всякие признаки социализма, и, по нашему мнению, рассмотрение его здесь, в этих статьях, при определении социализма, не представляет никакой надобности.

Совсем иное дело марксизм и анархизм: оба они в настоящее время признаются социалистическими течениями, оба ведут ожесточенную борьбу между собой, оба они стараются представить себя в глазах пролетариата учениями подлинно-социалистическими, и, конечно, рассмотрение и противопоставление их друг ДРУГУ будет для читателя гораздо более интересным.

Мы не принадлежим к тем людям, которые при упоминании слова «анархизм» презрительно отворачиваются и, махнув рукою, говорят: «Охота вам заниматься им, даже и говорить-то о нем не стоит!» Мы полагаем, что такая дешевая «критика» является и недостойной, и бесполезной.

Мы не принадлежим и к тем людям, которые утешают себя тем, что у анархистов-де «нет массы и поэтому они не так уж опасны». Дело не в том, за кем сегодня идет большая или меньшая «масса», – дело в существе учения. Если «учение» анархистов выражает истину, тогда оно, само собой разумеется, обязательно проложит себе дорогу и соберет вокруг себя массу. Если же оно несостоятельно и построено на ложной основе, оно долго не продержится и повиснет в воздухе. Несостоятельность же анархизма должна быть доказана.

Некоторые считают, что у марксизма и у анархизма одни и те же принципы, что между ними лишь тактические разногласия, так что, по их мнению, совершенно невозможно противопоставлять друг другу эти два течения.

Но это большая ошибка.

Мы считаем, что анархисты являются настоящими врагами марксизма. Стало быть, мы признаем и то, что с настоящими врагами надо вести и настоящую борьбу. А поэтому необходимо рассмотреть «учение» анархистов с начала и до конца и основательно взвесить его со всех сторон.

Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма – личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Все для лич-

ности». Краеугольным же камнем марксизма является масса, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Все для массы».

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия.

Цель наших статей – сопоставить эти два противоположных принципа, сравнить между собой марксизм и анархизм и тем самым осветить их достоинства и недостатки. При этом, мы считаем нужным здесь же ознакомить читателя с планом статей.

Мы начнем с характеристики марксизма, попутно коснемся взглядов анархистов на марксизм, а потом перейдем к критике самого анархизма. А именно: изложим диалектический метод, взгляды анархистов на этот метод и нашу критику; материалистическую теорию, взгляды анархистов и нашу критику (здесь же будет сказано о социалистической революции) социалистической диктатуре, программе-минимум и вообще о тактике); философию анархистов и нашу критику; социализм анархистов и нашу критику; тактику и организацию анархистов – и в заключение дадим наши выводы.

Мы постараемся доказать, что анархисты как проповедники социализма мелких общин не являются подлинными социалистами.

Мы постараемся также доказать, что анархисты, поскольку они отрицают диктатуру пролетариата, не являются и подлинными революционерами...

Итак, приступим к делу.

I. Диалектический метод

*В мире все движется... Изменяется жизнь, растут
производительные силы, рушатся старые отношения.
К. Маркс*

Марксизм – это не только теория социализма, это – цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом.

Поэтому изложить марксизм – это значит изложить и диалектический материализм.

Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому, что метод ее – диалектический, а теория – материалистическая.

Что такое диалектический метод?

Говорят, что общественная жизнь находится в состоянии непрерывного движения и развития, И это верно: жизнь нельзя считать чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне, она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Поэтому в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее, революционное и контрреволюционное.

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрерывном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность – рассматривать жизнь в ее разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что создается в жизни?

То, что в жизни рождается и изо дня в день растет, – неодолимо, остановить его движение вперед невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изо дня в день растет, то как бы слаб и малочислен ни был он сегодня, в конце концов он все же победит. Почему? Потому, что он растет, усиливается и идет вперед. Наоборот, то, что в жизни стареет и идет к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно сегодня представляло из себя богатырскую силу. То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и с каждым днем идет вспять, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни.

Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т. е. все то, что изо дня в день растет, – разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, – неразумно и, стало быть) не избегнет поражения.

Пример. В восьмидесятых годах прошлого столетия в среде русской революционной интеллигенции возник большой спор.

Народники утверждали, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», – это мелкая буржуазия деревни и города. Почему? – спрашивали их марксисты. Потому, говорили народники, что мелкая буржуазия деревни и города составляет теперь большинство и, кроме того, она бедна и живет в нищете.

Марксисты отвечали: верно, что мелкая буржуазия деревни и города теперь составляет большинство и что она действительно бедна, но разве в этом дело? Мелкая буржуазия уже давно составляет большинство, но до сих пор она без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляла. А почему? Да потому, что мелкая буржуазия как класс не растет, наоборот, она изо дня в день разлагается и распадается на буржуа и пролетариев. С другой стороны, разумеется, и бедность не имеет тут решающего значения: «босяки»

беднее мелкой буржуазии, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России».

Как видите, дело заключается не в том, какой класс сегодня составляет большинство или какой класс беднее, – а в том, какой класс крепнет и какой разлагается.

И так как пролетариат – это единственный класс, который непрерывно растет и крепнет, который двигает вперед общественную жизнь и собирает вокруг себя все революционные элементы, то наша обязанность – признать его главной силой в современном движении, стать в его ряды и сделать его передовые стремления своими стремлениями. Так отвечали марксисты.

Очевидно, марксисты диалектически смотрели на жизнь, тогда как народники рассуждали метафизически, – они представляли общественную жизнь застывшей на одной точке.

Так смотрит диалектический метод на развитие жизни.

Но есть движение и движение. Было движение в общественной жизни в «декабрьские дни», когда пролетариат, разогнув спину, напал на склады оружия и шел в атаку на реакцию. Но общественным движением надо назвать и движение предыдущих лет, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов.

Ясно, что движение имеет различные формы.

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную.

Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения.

Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки.

Эволюция prepares революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы. История науки показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией – везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что все изменяется, все развивается. Следовательно, все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку.

Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, количественные, изменения в конце концов приводят к большим, качественным, изменениям, – то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм.

Мы ничего не говорим о других фактах, с достаточной полнотой освещенных Ф. Энгельсом в его «Анти-Дюринге». Таково содержание диалектического метода.

* * *

Как смотрят анархисты на диалектический метод? Всем известно, что родоначальником диалектического метода был Гегель. Маркс очистил и улучшил этот метод. Конечно, это обстоятельство известно и анархистам. Они знают, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь случаем, они всю бранят Гегеля как сторонника «реставрации», они с увлечением «доказывают», что «Гегель – философ реставрации... что он восхваляет бюрократический конституционализм в его абсолютной форме, что общая идея его философии истории подчинена и

служит философскому направлению эпохи реставрации», и так далее и тому подобное (см. «Нобати» № 6. Статья В. Черкезишвили).

То же самое «доказывает» в своих сочинениях известный анархист Кропоткин (см., например, его «Науку и анархизм» на русском языке).

Кропоткину в один голос вторят наши кропоткинцы, начиная от Черкезишвили вплоть до Ш. Г. (см. номера «Нобати»).

Правда, об этом никто с ними не спорит, наоборот, каждый согласится с тем, что Гегель не был революционером. Сами Маркс и Энгельс раньше всех доказали в своей «Критике критической критики», что исторические взгляды Гегеля в корне противоречат самодержавию народа. Но, несмотря на это, анархисты все же «доказывают» и считают нужным каждый день «доказывать», что Гегель – сторонник «реставрации». Для чего они это делают? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля и дать почувствовать читателю, что у «реакционера» Гегеля и метод не может не быть «отвратительным» и ненаучным.

Таким путем анархисты думают опровергнуть диалектический метод.

Мы заявляем, что таким путем они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества, Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом. Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки. Не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?

Нет, этим путем анархисты не докажут ничего, кроме собственного невежества.

Пойдем дальше. По мнению анархистов, «диалектика – это метафизика», а так как они «хотят освободить науку от метафизики, философию от теологии», то они и отвергают диалектический метод (см. «Нобати» №№ 3 и 9. Ш. Г., см. также «Наука и анархизм» Кропоткина).

Ну и анархисты! Как говорится, «с больной головы на здоровую». Диалектика созрела в борьбе с метафизикой, в этой борьбе она стяжала себе славу, а по мнению анархистов выходит, что диалектика – это метафизика!

Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире все преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, – поэтому-то диалектика и смотрит на все критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлеченные «догматические положения, которые остаются только зазубрить, раз они открыты» (см. Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Метафизика же говорит нам совершенно другое. Для нее мир есть нечто вечное и неизменное (см. Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»), он раз и навсегда определен кем-то или чем-то, – вот почему у метафизиков всегда на языке «вечная справедливость» и «неизменная истина».

«Родоначальник» анархистов Прудон говорил, что в мире существует раз навсегда определенная неизменная справедливость, которая должна быть положена в основу будущего общества. В связи с этим Прудона называли метафизиком. Маркс боролся против Прудона с помощью диалектического метода и доказывал, что раз в мире все изменяется, то должна изменяться и «справедливость», и, следовательно, «неизменная справедливость» – это метафизический бред (см. К. Маркс, «Нищета философии»). Грузинские же ученики метафизика Прудона твердят нам: «Диалектика Маркса – это метафизика»!

Метафизика признает различные туманные догмы, так например, «непознаваемое», «вещь в себе», и в конце концов переходит в бессодержательное богословие. В противоположность Прудону и Спенсеру Энгельс боролся против этих догм при помощи диалектического метода (см. «Людвиг Фейербах»). А анархисты – ученики Прудона и Спенсера – говорят нам, что Прудон и Спенсер – ученые, а Маркс и Энгельс – метафизики!

Одно из двух: либо анархисты обманывают самих себя, либо не ведают, что говорят.

Во всяком случае, несомненно то, что анархисты смешивают метафизическую систему Гегеля с его диалектическим методом.

Нечего и говорить, что философская система Гегеля, опирающаяся на неизменную идею, является от начала до конца метафизической. Но ясно также и то, что диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционными

Вот почему Карл Маркс, подвергший метафизическую систему Гегеля уничтожающей критике, в то же время с похвалой отзывался о его диалектическом методе, который, по словам Маркса, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критичен и революционен» (см. «Капитал», т. 1. Послесловие).

Вот почему Энгельс усматривает большое различие между методом Гегеля и его системой, «Человек, дороживший преимущественно системой Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический метод) мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции» (см. «Людвиг Фейербах»).

Анархисты не видят этого различия и необдуманно твердят, что «диалектика – это метафизика».

Пойдем дальше. Анархисты говорят, что диалектический метод – «хитросплетение», «метод софизмов», «логического сальтомортале см. «Нобати» № 8. Ш. Г.), «при помощи которого одинаково легко доказываются и истина и ложь» (см. «Нобати» № 4. Статья В. Черкезисвили).

Итак, по мнению анархистов, диалектический метод одинаково доказывает истину и ложь.

На первый взгляд может показаться, что обвинение, выдвинутое анархистами, не лишено основания. Послушайте, например, что говорит Энгельс о последователе метафизического метода:

«...Речь его состоит из «да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...» (см. «Анти-Дюринг». Введение).

Как же так! – горячатся анархисты. – Разве возможно, чтобы едины тот же предмет в одно и то же время был и хорошим и плохим? Ведь это «софизм», «игра слов», ведь это значит, что «вы хотите с одинаковой легкостью доказать истину и ложь»!..

Однако вдумаясь в суть дела.

Сегодня мы требуем демократической республики. Можем ли мы сказать, что демократическая республика во всех отношениях хороша или во всех отношениях плоха? Нет, не можем!

Почему? Потому, что демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она разрушает феодальные порядки, но зато она плоха с другой стороны, когда она укрепляет буржуазные порядки. Поэтому мы и говорим: поскольку демократическая республика разрушает феодальные порядки, постольку она хороша, – и мы боремся за нее, но поскольку она укрепляет буржуазные порядки, постольку она плоха, – и мы боремся против нее.

Выходит, что одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха» – и «да» и «нет».

То же самое можно сказать о восьмичасовом рабочем дне, который в одно и то же время и «хорош», поскольку он усиливает пролетариат, и «плох», поскольку он укрепляет систему наемного труда.

Именно такие факты имел в виду Энгельс, когда он приведенными выше словами характеризовал диалектический метод.

Анархисты же не поняли этого, и совершенно ясная мысль показалась им туманным «софизмом».

Конечно, анархисты вольны замечать или не замечать эти факты, они даже могут на песчаном берегу не замечать песка, – это их право. Но причем тут диалектический метод, который, в отличие от анархизма, не смотрит на жизнь закрытыми глазами, чувствует биение пульса жизни и прямо говорит: коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, – всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть.

Пойдем еще дальше. По мнению наших анархистов, «диалектическое развитие есть развитие катастрофическое, посредством которого сначала полностью уничтожается прошлое, а затем совершенно обособленно утверждается будущее... Катаклизмы Кювье порождались неизвестными причинами, катастрофы же Маркса – Энгельса порождаются диалектикой» (см. «Набата» № 8. Ш. Г.).

А в другом месте тот же автор пишет: «Марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (см. «Нобати» № 6). Обратите внимание!

Кювье отрицает дарвиновскую эволюцию, он признает только катаклизмы, а катаклизм – неожиданный взрыв, «порождаемый неизвестными причинами». Анархисты говорят, что марксисты примыкают к Кювье и, следовательно, отвергают дарвинизм.

Дарвин отрицает катаклизмы Кювье, он признает постепенную эволюцию. И вот те же анархисты говорят, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически», т. е. марксисты отрицают катаклизмы Кювье.

Одним словом, анархисты обвиняют марксистов в том, что они примыкают к Кювье, и в то же время упрекают их в том, что они примыкают к Дарвину, а не к Кювье.

Вот она – анархия! Как говорится: унтер-офицерская вдова сама себя высекла! Ясно, что Ш. Г. из восьмого номера «Нобати» забыл о том, что говорил Ш. Г. из шестого номера.

Который из них прав: восьмой или шестой номер? Обратимся к фактам. Маркс говорит: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности... Тогда наступает эпоха социальной революции». Но «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...» (см. К. Маркс) «К критике политической экономии». Предисловие).

Если применить этот тезис Маркса к современной общественной жизни, то получится, что между современными производительными силами, имеющими общественный характер, и формой присвоения продуктов, имеющей частный характер, существует коренной конфликт, который должен завершиться социалистической революцией (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Вторая глава третьего раздела).

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революцию порождают не «неизвестные причины» Кювье, а совершенно определенные и жизненные общественные причины, называемые «развитием производительных сил».

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революция совершается только тогда, когда достаточно созреют производительные силы, а не неожиданно, как это думал Кювье.

Ясно, что между катаклизмами Кювье и диалектическим методом Маркса нет ничего общего.

С другой стороны, дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения, – это две необходимые формы одного и того же движения.

Очевидно нельзя утверждать и того, что «марксизм... некритически относится к дарвинизму».

Выходит, что «Нобати» ошибается в обоих случаях, как в шестом, так и в восьмом номере.

Наконец, анархисты упрекают нас в том, что «диалектика... не дает возможности ни выйти или выскочить из себя, ни перепрыгнуть через самого себя» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.).

Вот это, гг. анархисты, сущая истина, тут вы, почтенные, совершенно правы: диалектический метод действительно не дает такой возможности. Но почему не дает? А потому, что «выскакивать из себя и перепрыгивать через самого себя» – это занятие диких коз, диалектический же метод создан для людей.

Вот в чем секрет!..

Таковы в общем взгляды анархистов на диалектический метод.

Ясно, что анархисты не поняли диалектического метода Маркса и Энгельса, – они выдумали свою собственную диалектику и именно с нею и сражаются так беспощадно.

Нам же остается только смеяться, глядя на это зрелище, ибо нельзя не смеяться, когда видишь, как человек борется со своей собственной фантазией, разбивает свои собственные вымыслы и в то же время с жаром уверяет, что он разит противника.

II. Материалистическая теория

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

К. Маркс

С диалектическим методом мы уже знакомы. Что такое материалистическая теория? Все в мире изменяется, все в жизни развивается, но как происходит это изменение и в каком виде совершается это развитие?

Мы знаем, например, что земля некогда представляла раскаленную огненную массу, затем она постепенно остыла, затем возникли растения и животные, за развитием животного мира последовало появление определенного рода обезьян, и потом за всем этим последовало появление человека.

Так происходило в общем развитие природы.

Знаем также и то, что и общественная жизнь также не стояла на одном месте. Было время, когда люди жили на первобытнокоммунистических началах; в то время они поддерживали свое существование первобытной охотой, они бродили по лесам и так добывали себе, пищу. Наступило время, когда первобытный коммунизм сменился матриархатом, – в это время люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия. Затем матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали свое существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, – тогда люди поддерживали свое существование сравнительно более развитым земледелием. За рабовладельческим строем последовало крепостничество, а потом за всем этим последовал буржуазный строй.

Так происходило в общем развитие общественной жизни. Да, все это известно... Но как совершалось это развитие: сознание ли вызывало развитие «природы» и «общества», или, наоборот, развитие «природы» и «общества» вызывало развитие сознания?

Так ставит вопрос материалистическая теория.

Некоторые говорят, что «природе» и «общественной жизни» предшествовала мировая идея, которая потом легла в основу их развития, так что развитие явлений «природы» и «общественной жизни» является, так сказать, внешней формой, простым выражением развития мировой идеи.

Таково было, например, учение идеалистов, которые со временем разделились на несколько течений.

Другие же говорят, что в мире изначально существуют две друг друга отрицающие силы – идея и материя, сознание и бытие, и что, в соответствии с этим, явления также делятся на два ряда – идеальный и материальный, которые отрицают друг друга и борются между собой, так что развитие природы и общества – это постоянная борьба между идеальными и материальными явлениями.

Таково было, например, учение дуалистов, которые со временем, подобно идеалистам, разделились на несколько течений.

Материалистическая теория в корне отрицает как дуализм, так и идеализм.

Конечно, в мире существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, будто они отрицают друг друга. Наоборот, идеальная и материальная стороны суть две различные формы одной и той же природы или общества, их нельзя представить друг без друга, они существуют вместе, развиваются вместе, и, следовательно, у нас нет никакого основания думать, что они отрицают друг друга.

Таким образом, так называемый дуализм оказывается несостоятельным.

Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах – в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах – в материальной и идеальной, – вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни.

Таков монизм материалистической теории.

В то же время материалистическая теория отрицает и идеализм.

Неправильна та мысль, будто идеальная сторона, и вообще сознание, в своем развитии предшествует развитию материальной стороны. Еще не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, «неживая» природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало лишь свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее – человек – не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее – человек – был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, поимел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их имеет четвероногое животное. Все это коренным образом задержало бы развитое человеческого сознания.

Выходит, что для развития сознания необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы.

Выходит, что развитию идеальной стороны, развитию сознания, предшествует развитие материальной стороны, развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона.

Таким образом, история развития природы в корне подрывает так называемый идеализм.

То же самое надо сказать и об истории развития человеческого общества.

История показывает, что если в разные времена люди проникались различными мыслями и желаниями, то причина этого в том, что в разные времена люди по-разному боролись с природой для удовлетворения своих потребностей, и, в соответствии с этим, по-разному складывались их экономические отношения. Было время, когда люди боролись с природой сообща, на первобытно-коммунистических началах, тогда и их собственность была коммунистической, и поэтому они тогда почти не различали «мое» и «твое», их сознание было коммунистическим. Наступило время, когда в производство проникло различие «моего» и «твоего», – тогда и собственность приняла частный, индивидуалистический характер, и поэтому сознание людей прониклось чувством частной собственности. Наступает время, нынешнее время, когда производство вновь принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер, – и именно поэтому сознание людей постепенно проникается социализмом.

Простой пример. Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханову не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капитал, а затем вновь открыть свою мастерскую. Как видите, у этого сапожника положение уже пролетарское, но сознание его пока еще не пролетарское, оно насквозь мелкобуржуазное. Иначе говоря, мелкобуржуазное положение этого сапожника уже исчезло, его нет больше, но его мелкобуржуазное сознание еще не исчезло, оно отстало от его фактического положения.

Ясно, что и здесь, в общественной жизни, сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется положение людей, а затем соответственно изменяется их сознание.

Но вернемся к нашему сапожнику. Как мы уже знаем, он предполагает накопить денег, а затем открыть свою мастерскую. Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги – дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Кроме того, он замечает, что и открытие частной мастерской не так уж заманчиво: плата за помещение, капризы клиентов, безденежье, конкуренция крупных хозяев и тому подобные хлопоты – вот сколько забот терзают частного мастера. Между тем пролетарий сравнительно более свободен от таких забот, его не беспокоит ни клиент, ни плата за помещение, он утром приходит на фабрику, «преспокойно» уходит вечером и в субботу так же преспокойно кладет в карман «получку». Здесь-то впервые и подрезываются крылья мелкобуржуазным мечтам нашего сапожника, здесь впервые и зарождаются у него в душе пролетарские стремления.

Время идет, и наш сапожник видит, что денег не хватает на самое необходимое, что ему крайне необходимо увеличение заработной платы. В то же время он замечает, что его товарищи поговаривают о каких-то союзах и стачках. Здесь-то и осознает наш сапожник, что для улучшения своего положения необходимо бороться с хозяевами, а не открывать собственную мастерскую. Он вступает в союз, включается в стачечное движение и вскоре приобщается к социалистическим идеям...

Таким образом, за изменением материального положения сапожника в конце концов последовало изменение его сознания: сначала изменилось его материальное положение, а затем, спустя некоторое время, соответственно изменилось и его сознание.

То же самое надо сказать о классах и об обществе в целом.

В общественной жизни также сначала изменяются внешние условия, сначала изменяются материальные условия, а затем в соответствии с этим изменяются и мышление людей, их нравы, обычаи, их мировоззрение.

Поэтому Маркс говорит: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Если материальную сторону, внешние условия, бытие и другие подобные явления мы назовем содержанием, тогда идеальную сторону, сознание и другие подобные явления мы можем назвать формой. Отсюда возникло известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстает от содержания.

И так как, по мнению Маркса, экономическое развитие является «материальной основой» общественной жизни, ее содержанием, а юридически – политическое и религиозно-философское развитие является «идеологической формой» этого содержания, его «надстройкой», – то Маркс делает вывод: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».

Конечно, это вовсе не означает, будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы, как это померещилось Ш. Г. (см. «Нобати» № 1. «Критика монизма»). Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду ее отставания от своего содержания, никогда полностью не соответствует этому содержанию, и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними. В настоящее время, например, общественному содержанию производства не соответствует форма присвоения продуктов производства, которая имеет частный характер, и именно на этой почве происходит современный социальный «конфликт».

С другой стороны, та мысль, что сознание является формой бытия, вовсе не означает, будто сознание по своей природе есть та же материя. Так думали только вульгарные материалисты (например, Бюхнер и Молешотт), теории которых в корне противоречат материализму Маркса и которых справедливо высмеивал Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе». Согласно материализму Маркса, сознание и бытие, идея и материя – это две различные формы одного и

того же явления, которое, вообще говоря) называется природой или обществом. Стало быть, они и не отрицают друг друга и в то же время не представляют собой одного и того же явления. Дело лишь в том, что в развитии природы и общества сознанию, т. е. тому, что совершается в нашей голове, предшествует соответствующее материальное изменение, т. е. то, что совершается вне нас, — за тем или иным материальным изменением рано или поздно неизбежно последует соответствующее идеальное изменение.

Прекрасно, скажут нам, может быть это и правильно в отношении истории природы и общества. Но каким образом рождаются в нашей голове в настоящее время различные представления и идеи? Существуют ли в действительности так называемые внешние условия, или же существуют только наши представления об этих внешних условиях? И если существуют внешние условия, то в какой мере возможно их восприятие и познание?

По этому поводу материалистическая теория говорит, что наши представления, наше «я» существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я». Тот, кто необдуманно говорит, что не существует ничего, кроме наших представлений, вынужден отрицать какие бы то ни было внешние условия и, стало быть, отрицать существование остальных людей, допуская существование лишь своего «я», что абсурдно и в корне противоречит основам науки.

Очевидно, что внешние условия действительно существуют, эти условия существовали до нас и будут существовать после нас, причем их восприятие и познание возможно тем легче, чем чаще и сильнее они будут воздействовать на наше сознание.

Что касается того, каким образом рождаются в настоящее время в нашей голове различные представления и идеи, то мы должны заметить, что здесь вкратце повторяется то же, что происходит в истории природы и общества. И в данном случае предмет, находящийся вне нас, предшествовал нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстает от предмета — от своего содержания. Если я смотрю на дерево и вижу его, — это означает лишь то, что еще до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление...

Таково вкратце содержание материалистической теории Маркса.

Нетрудно понять, какое значение должна иметь материалистическая теория для практической деятельности людей.

Если сначала изменяются экономические условия, а затем соответственно изменяется сознание людей, то ясно, что обоснование того или иного идеала мы должны искать не в мозгу людей, не в их фантазии, а в развитии их экономических условий. Хорош и приемлем только тот идеал, который создан на основании изучения экономических условий. Негодны и неприемлемы все те идеалы, которые не считаются с экономическими условиями, не опираются на их развитие.

Таков первый практический вывод материалистической теории.

Если сознание людей, их нравы и обычаи определяются внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, то ясно, что мы должны способствовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и его политические порядки.

Вот что говорит об этом Карл Маркс:

«Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма... и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира... то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства... Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдель-

ных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими» (см. «Людвиг Фейербах», приложение «К. Маркс о французском материализме XVIII века»).

Таков второй практический вывод материалистической теории.

* * *

Как смотрят анархисты на материалистическую теорию Маркса и Энгельса?

Если диалектический метод берет свое начало от Гегеля, то материалистическая теория является развитием материализма Фейербаха, Это хорошо известно анархистам, и они пытаются использовать недостатки Гегеля и Фейербаха для того, чтобы очернить диалектический материализм Маркса и Энгельса. В отношении Гегеля и диалектического метода мы уже указывали, что такие уловки анархистов не могут доказать ничего, кроме их собственного невежества. То же самое надо сказать и в отношении их нападок на Фейербаха и на материалистическую теорию.

Вот, например, анархисты с большим апломбом говорят нам, что «Фейербах был пантеистом...», что он «обожествовал человека» (см. «Нобати» № 7. Д. Деленди), что, «по мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест...», что отсюда Маркс якобы сделал такой вывод: «Следовательно, самым главным и самым первым является экономическое положение...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Правда, в пантеизме Фейербаха, в обожествлении им человека и в других подобных его ошибках никто не сомневается. Наоборот, Маркс и Энгельс первые вскрыли ошибки Фейербаха. Но анархисты, тем не менее, считают нужным снова «разоблачить» уже разоблаченные ошибки. Почему? Вероятно, потому, что, браня Фейербаха, косвенно хотят очернить материалистическую теорию Маркса и Энгельса. Конечно, если мы беспристрастно посмотрим на дело, то, наверное, найдем, что у Фейербаха наряду с неправильными мыслями были и правильные, точно так же, как это случалось в истории со многими учеными. Но анархисты все же продолжают «разоблачать»...

Еще раз заявляем, что подобными уловками они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества.

Интересно, что (как мы это увидим ниже) анархисты вздумали критиковать материалистическую теорию понаслышке, без всякого знакомства с нею. Вследствие этого они часто противоречат друг другу и опровергают друг друга, что, конечно, ставит наших «критиков» в смешное положение. Вот, например, если послушать г-на Черкезишвили, то оказывается, что Маркс и Энгельс ненавидели монистический материализм, что их материализм был вульгарным, а не монистическим:

«Та великая наука натуралистов с ее системой эволюции, трансформизмом и монистическим материализмом, которую так сильно ненавидит Энгельс... избегала диалектики» и т. д. (см. «Нобати» № 4. В. Черкезишвили).

Выходит, что естественнонаучный материализм, который одобряет Черкезишвили и который «ненавидел» Энгельс, был монистическим материализмом, и, следовательно, он заслуживает одобрения, а материализм Маркса и Энгельса не является монистическим и, понятнo, не заслуживает признания.

Другой же анархист говорит, что материализм Маркса и Энгельса является монистическим, а потому и заслуживает быть отвергнутым.

«Историческая концепция Маркса является атавизмом Гегеля. Монистический материализм абсолютного объективизма вообще и экономический монизм Маркса в частности невозможны в природе и ошибочны в теории... Монистический материализм является плохо при-

крытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» (см. «Нобати» № 6. III. Г.).

Выходит, что монистический материализм неприемлем, Маркс и Энгельс не ненавидят его, а, напротив, сами являются монистическими материалистами, – вследствие чего монистический материализм необходимо отвергнуть.

Кто в лес, кто по дрова! Поди разберись, кто говорит правду: первый или второй! Сами еще не сталкивались между собой о достоинствах или недостатках материализма Маркса, сами еще не поняли, является ли он монистическим или нет, сами еще не разобрались в том, что более приемлемо: вульгарный или монистический материализм, – а уже оглушают нас своим бахвальством: мы разгромили, мол, марксизма

Да, да, если у гг. анархистов и впредь один будет так усердно громить взгляды другого, то, нечего и говорить, будущее будет принадлежать анархистам...

Не менее смехотворен и тот факт, что некоторые «знаменитые» анархисты, несмотря на свою «знаменитость», еще не ознакомились с различными направлениями в науке. Они, оказывается, не знают, что в науке есть разные виды материализма, что между ними имеются большие различия: есть, например, вульгарный материализм, отрицающий значение идеальной стороны и ее воздействие на материальную сторону, но есть и так называемый монистический материализм – материалистическая теория Маркса, – который научно рассматривает взаимоотношение идеальной и материальной сторон. А анархисты смешивают эти разные виды материализма, не видят даже явных различий между ними и в то же время с большим апломбом заявляют: мы возрождаем науку!

Вот, например, Л. Кропоткин в своих «философских» работах самоуверенно заявляет, что коммунистический анархизм опирается на «современную материалистическую философию», однако он ни одним словом не поясняет, на какую же «материалистическую философию» опирается коммунистический анархизм: на вульгарную, монистическую, или какую-либо другую. Он очевидно не знает, что между различными течениями материализма существует коренное противоречие, он не понимает, что смешивать друг с другом эти течения – значит не «возрождать науку», а проявлять прямое невежество (см. Кропоткин, «Наука и анархизм», а также «Анархия и ее философия»).

То же самое нужно сказать и о грузинских учениках Кропоткина. Послушайте:

«По мнению Энгельса, а также и по мнению Каутского, Маркс оказал человечеству большую услугу тем, что он...», между прочим, открыл «материалистическую концепцию. Верно ли это? Не думаем, ибо знаем... что все историки, ученые и философы, которые придерживаются того взгляда, будто общественный механизм приводится в движение географическими, климатически-теллурическими и, космическим и, антропологическими и биологическими условиями, – все они являются материалистами» (см. «Нобати» № 2).

Выходит, что между «материализмом» Аристотеля и Гольбаха или между «материализмом» Маркса и Молешотта нет никакого различия! Вот так критика!

И вот люди, обладающие такими познаниями, задумали обновить науку! Недаром говорят: «Беда, коль пироги начнет печь сапожник!...»

Далее. Наши «знаменитые» анархисты где-то прослышали, что материализм Маркса – это «теория желудка», и упрекают нас, марксистов:

«По мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест. Эта формула магически подействовала на Маркса и Энгельса», вследствие чего Маркс сделал тот вывод, что «самым главным и самым первым является экономическое положение, производственные отношения...» Затем анархисты философически нас поучают: «Сказать, что единственным средством для этой цели (общественной жизни) является еда и экономическое производство, было бы ошибкой... Если бы главным образом монистически, едой и экономическим положением определялась идеология, – то некоторые обжоры были бы гениями» (см. «Нобати» № 6. III. Г.).

Вот как легко, оказывается, опровергнуть материализм Маркса и Энгельса. Достаточно услышать от какой-нибудь институтки уличные сплетни по адресу Маркса и Энгельса, достаточно эти уличные сплетни с философским апломбом повторить на страницах – какой-то «Нобати», чтобы сразу заслужить славу «критика» марксизма!

Но скажите, господа: где, когда, на какой планете и какой Маркс сказал, что «еда определяет идеологию»? Почему вы не привели ни единой фразы, ни единого слова из сочинений Маркса в подтверждение вашего заявления? Правда, Маркс говорил, что экономическое положение людей определяет их сознание, их идеологию, но кто вам сказал, что еда и экономическое положение – одно и то же? Неужели вы не знаете, что физиологическое явление, каким является, например, еда, в корне отличается от социологического явления, каким является, например, экономическое положение людей? Смешивать между собой эти два различных явления простительно, скажем, какой-нибудь институтке, но как могло случиться, что вы, «сокрушители социал-демократии», «возродители науки», так беззаботно повторяете ошибку институток?

Да и как это еда может определять общественную идеологию? А ну-ка вдумайтесь в свои же слова: еда, форма еды не изменяется, и в старину люди так же ели, разжевывали и переваривали пищу, как и теперь, а идеология все время изменяется. Античная, феодальная, буржуазная, пролетарская – вот, между прочим, какие формы имеет идеология. Мыслимо ли, чтобы то, что не изменяется, определяло собой то, что все время изменяется?

Пойдем дальше. По мнению анархистов, материализм Маркса «есть тот же параллелизм...» Или еще: «монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» «Маркс впадает в дуализм потому, что он изображает производственные отношения как материальное, а человеческие стремления и волю как иллюзию и утопию, которая не имеет значения, хотя и существует» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Во-первых, монистический материализм Маркса не имеет ничего общего с бесполом параллелизмом. С точки зрения этого материализма, материальная сторона, содержание, необходимо предшествует идеальной стороне, форме. Параллелизм же отвергает этот взгляд и решительно заявляет, что ни материальная, ни идеальная сторона не предшествует одна другой, что обе они развиваются вместе, параллельно.

Во-вторых, хотя бы даже на самом деле «Маркс изображал производственные отношения как материальное, а человеческие стремления и волю как иллюзию и утопию, не имеющую значения», – разве это означает, что Маркс – дуалист? Дуалист, как известно, приписывает равное значение идеальной и материальной сторонам как двум противоположным принципам. Но если, по вашим словам, Маркс ставит выше материальную сторону и, наоборот, не придает значения идеальной стороне как «утопии», то тогда откуда же вы выудили, г-да «критики», дуализм Маркса?

В-третьих, какая может быть связь между материалистическим монизмом и дуализмом, когда и ребенок знает, что монизм исходит из одного принципа – природы или бытия, имеющего материальную и идеальную формы, тогда как дуализм исходит из двух принципов – материального и идеального, которые, согласно дуализму, отрицают друг друга?

В-четвертых, когда это Маркс «изображал человеческие стремления и волю как утопию и иллюзию»? Правда, Маркс объяснял «человеческие стремления и волю» экономическим развитием, и когда стремления некоторых кабинетных людей не соответствовали экономической обстановке, он называл их утопическими. Но разве это означает, что, по мнению Маркса, человеческие стремления вообще являются утопическими? Неужели и это требует пояснений? Неужели вы не читали слов Маркса:

«Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить» (см. предисловие к «К критике политической экономии»), т. е., вообще говоря, челове-

чество не преследует утопических целей. Ясно, что наш «критик» либо не понимает того, о чем он говорит, либо умышленно искажает факты.

В-пятых, кто вам сказал, будто, по мнению Маркса и Энгельса, «человеческие стремления и воля не имеют значения»? Почему вы не указываете, где они об этом говорят? Разве в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции» и в других подобных брошюрах Маркс не говорит о значении «стремлений и воли»? Почему же тогда Маркс старался в социалистическом духе развить «волю и стремления» пролетариев, для чего он вел пропаганду среди них, если он не придавал значения «стремлениям и воле»? Или, о чем говорит Энгельс в своих известных статьях за 1891–94 годы, как не о «значении воли и стремлений»? Правда, по мнению Маркса, «воля и стремления» людей черпают свое содержание из экономического положения, но разве это значит, что сами они не оказывают никакого влияния на развитие экономических отношений? Неужели анархистам так трудно понять столь простую мысль?

Еще одно «обвинение» гг. анархистов: «нельзя представить форму без содержания...», поэтому нельзя сказать, что «форма следует за содержанием (отстает от содержания. К.)...они «сосуществуют»... В противном случае монизм является абсурдом» (см. «Нобати» № 1. Ш. Г.).

Опять наш «ученый» запутался малость. Что содержание немислимо без формы)это правильно. Но правильно также и то, что существующая форма никогда полностью не соответствует существующему содержанию: первая отстает от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт. Именно на этой почве происходят революции) и в этом выражается, между прочим, революционный дух материализма Маркса. «Знаменитые» же анархисты этого не поняли, в чем, разумеется, повинны они сами, а не материалистическая теория.

Таковы взгляды анархистов на материалистическую теорию Маркса и Энгельса, если только их вообще можно назвать взглядами.

III. Пролетарский социализм

Мы теперь знакомы с теоретическим учением Маркса: знакомы с его методом, знакомы также и с его теорией.

Какие практические выводы мы должны сделать из этого учения?

Какова связь между диалектическим материализмом и пролетарским социализмом?

Диалектический метод говорит, что только тот класс может быть до конца прогрессивным, только тот класс может разбить ярмо рабства, который растет изо дня в день, всегда идет вперед и неустанно борется за лучшее будущее. Мы видим, что единственный класс, который неуклонно растет, всегда идет вперед и борется за будущее, – это городской и сельский пролетариат. Следовательно, мы должны служить пролетариату и на него возлагать свои надежды.

Таков первый практический вывод из теоретического учения Маркса.

Но служение служению рознь. Пролетариату «служит» и Бернштейн, когда он проповедует ему забыть о социализме. Пролетариату «служит» и Кропоткин, когда он предлагает ему распыленный, лишенный широкой промышленной базы, общинный «социализм». Пролетариату служит и Карл Маркс, когда он зовет его к пролетарскому социализму, опирающемуся на широкую базу современной крупной промышленности.

Как мы должны поступать, чтобы наша работа шла на пользу пролетариату? Каким образом мы должны служить пролетариату?

Материалистическая теория говорит, что тот или иной идеал может оказать пролетариату прямую услугу только в том случае, если этот идеал не противоречит экономическому развитию страны, если он полностью соответствует требованиям этого развития. Экономическое развитие капиталистического строя показывает, что современное производство принимает общественный характер, что общественный характер производства в корне отрицает существующую капиталистическую собственность, следовательно, наша главная задача – содействовать свержению капиталистической собственности и установлению социалистической собственности. А это означает, что учение Бернштейна, который проповедует забыть о социализме, в корне противоречит требованиям экономического развития, – оно принесет пролетариату вред.

Экономическое развитие капиталистического строя показывает далее, что современное производство с каждым днем расширяется, оно не укладывается в пределах отдельных городов и губерний, непрестанно ломает эти пределы и охватывает территорию всего государства, – следовательно, мы должны приветствовать расширение производства и признать основой будущего социализма не отдельные города и общины, а целую неделимую территорию всего государства, которая в будущем, конечно, будет все более и более расширяться. А это означает, что учение Кропоткина» замыкающее будущий социализм в рамки отдельных городов и общин, противоречит интересам мощного расширения производства) оно принесет пролетариату вред.

Бороться за широкую социалистическую жизнь, как за главную цель, – вот как мы должны служить пролетариату.

Таков второй практический вывод из теоретического учения Маркса.

Ясно, что пролетарский социализм является прямым выводом из диалектического материализма.

Что такое пролетарский социализм?

Современный строй является капиталистическим. Это значит, что мир разделен на два противоположных лагеря) на лагерь небольшой горстки капиталистов и лагерь большинства, – пролетариев. Пролетарии работают день и ночь) но тем не менее они остаются по-прежнему бедными. Капиталисты не работают, но тем не менее они богаты. И это происходит не потому,

что пролетариям, будто бы, похватает ума, а капиталисты гениальны)а потому) что капиталисты забирают плоды труда пролетариев, потому) что капиталисты эксплуатируют пролетариев.

Почему плоды труда пролетариев забирают именно капиталисты, а не сами пролетарии? Почему капиталисты эксплуатируют пролетариев, а не пролетарии – капиталистов?

Потому, что капиталистический строй зиждется на товарном производстве: здесь все принимает вид товара, везде господствует принцип купли-продажи. Здесь вы можете купить не только предметы потребления, не только продукты питания, но также и рабочую силу людей, их кровь, их совесть. Капиталисты знают все это и покупают рабочую силу пролетариев, нанимают их. А это означает, что капиталисты становятся хозяевами купленной ими рабочей силы. Пролетарии же теряют право на эту проданную рабочую силу. То есть то, что вырабатывается этой рабочей силой, не принадлежит уже пролетариям, а принадлежит только капиталистам и идет в их карман. Возможно, что проданная вами рабочая сила производит за день товаров на 100 рублей, но это вас не касается и не принадлежит вам, это касается только капиталистов и принадлежит им, – вы должны получить только свою дневную заработную плату, которая, может быть, будет достаточной для удовлетворения ваших необходимых потребностей, – если вы, конечно) будете жить экономно. Короче: капиталисты покупают рабочую силу пролетариев, они нанимают пролетариев, и именно поэтому капиталисты забирают плоды труда пролетариев, именно поэтому капиталисты эксплуатируют пролетариев, а не пролетарии капиталистов.

Но почему именно капиталисты покупают рабочую силу пролетариев? Почему пролетарии нанимаются капиталистами, а не капиталисты – пролетариями?

Потому, что главной основой капиталистического строя является частная собственность на орудия и средства производства. Потому, что фабрики) заводы, земля и ее недра, леса, железные дороги, машины и другие средства производства превращены в частную собственность небольшой горстки капиталистов. Потому, что пролетарии лишены всего этого. Вот почему капитал листы нанимают пролетариев, чтобы пустить в ход фабрики и заводы, – в противном случае их орудия и средства производства не приносили бы никакой прибыли. Вот почему пролетарии продают свою рабочую силу капиталистам, – в противном случае они умерли бы с голоду.

Все это проливает свет на общий характер капиталистического производства. Во-первых, само собой понятно, что капиталистическое производство не может быть чем-то единым и организованным: оно сплошь раздроблено на частные предприятия отдельных капиталистов. Во-вторых, ясно также и то, что прямой целью этого раздробленного производства является не удовлетворение потребностей населения, а производство товаров для продажи с целью увеличения прибыли капиталистов. Но так как всякий капиталист стремится к увеличению своей прибыли, то каждый из них старается производить как можно больше товаров, вследствие чего рынок быстро переполняется, цены на товары падают – и наступает общий кризис.

Таким образом, кризисы, безработица, перерывы в производстве, анархия производства и тому подобное являются прямым результатом неорганизованности современного капиталистического производства.

И если этот неорганизованный общественный строй пока еще не разрушен) если он пока еще крепко противостоит атакам пролетариата, то это прежде всего объясняется тем, что его защищает капиталистическое государство, капиталистическое правительство.

Такова основа современного капиталистического общества.

* * *

Нет сомнения в том, что будущее общество будет построено на совершенно иной основе.

Будущее общество – общество социалистическое. Это означает прежде всего то, что там не будет никаких классов: не будет ни капиталистов, ни пролетариев, – не будет, стало быть, и эксплуатации. Там будут только коллективно работающие труженики.

Будущее общество – общество социалистическое. Это означает также и то, что там вместе с эксплуатацией будут уничтожены товарное производство и купля-продажа, поэтому там не будет места покупателям и продавцам рабочей силы, нанимателям и нанимающимся, – там будут только свободные труженики.

Будущее общество – общество социалистическое. Это означает, наконец, то, что там вместе с наемным трудом будет уничтожена всякая частная собственность на орудия и средства производства, там не будет ни бедняков-пролетариев, ни богачей-капиталистов, – там будут только труженики, коллективно владеющие всей землей и ее недрами, всеми лесами, всеми фабриками и заводами, всеми железными дорогами и т. д.

Как видите, главная цель будущего производства – непосредственное удовлетворение потребностей общества, а не производство товаров для продажи ради увеличения прибыли капиталистов. Здесь не будет места для товарного производства, борьбы за прибыли и т. д.

Ясно также и то, что будущее производство будет социалистически организованным, высокоразвитым производством, которое будет учитывать потребности общества и будет производить ровно столько) сколько нужно обществу. Здесь не будет места ни распыленности производства, ни конкуренции, ни кризисам, ни безработице.

Там, где нет классов, там, где нет богатых и бедных, – там нет надобности и в государстве, там нет надобности и в политической власти, которая притесняет бедных и защищает богатых. Стало быть, в социалистическом обществе не будет надобности в существовании политической власти.

Поэтому Карл Маркс говорил еще в 1846 году:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти...» (см. «Нищета философии»).

Поэтому Энгельс говорил в 1884 году:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало... необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

В то же время, само собой понятно, что для ведения общих дел, наряду с местными бюро, в которых будут сосредоточиваться различные сведения, социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися. Необходимы будут также конференции и) в особенности, съезды, решения которых будут безусловно обязательными до следующего съезда для оставшихся в меньшинстве товарищей.

Наконец, очевидно, что свободный и товарищеский труд должен повлечь за собой такое же товарищеское и полное удовлетворение всех потребностей в будущем социалистическом обществе. А это означает, что если будущее общество потребует от каждого своего члена ровно

столько труда, сколько он может дать, то оно, в свою очередь, должно будет каждому предоставить столько продуктов, сколько ему нужно. От каждого по его способностям, каждому по его потребностям! – вот на какой основе должен быть создан будущий коллективистический строй. Разумеется, на первой ступени социализма, когда к новой жизни приобщатся еще не привыкшие к труду элементы, производительные силы также не будут достаточно развиты и будет еще существовать «черная» и «белая» работа, – осуществление принципа – «каждому по его потребностям», – несомненно, будет сильно затруднено, ввиду чего общество вынуждено будет временно стать на какой-то другой, средний путь. Но ясно также и то, что когда будущее общество войдет в свое русло, когда пережитки капитализма будут уничтожены с корнем, – единственным принципом, соответствующим социалистическому обществу, будет вышеуказанный принцип.

Поэтому Маркс говорил в 1875 году:

«На высшей фазе коммунистического (т. е. социалистического) общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»» (см. «Критика Готской программы»).

Такова в общем картина будущего социалистического общества по теории Маркса.

Все это хорошо. Но мыслимо ли осуществление социализма?

Можно ли предположить, что человек сумеет вытравить в себе свои «дикие привычки»?

Или еще: если каждый будет получать по потребностям, то можно ли предположить, что уровень производительных сил социалистического общества будет для этого достаточным?

Социалистическое общество предполагает достаточно развитые производительные силы и социалистическое сознание людей, их социалистическое просвещение. Развитию современных производительных сил препятствует существующая капиталистическая собственность, но, если иметь в виду, что в будущем обществе не будет этой собственности, – то само собой ясно, что производительные силы вдесятеро возрастут. Не следует также забывать того обстоятельства, что в будущем обществе сотни тысяч нынешних дармоедов, а также безработные возьмутся за дело и пополнят ряды трудящихся, что сильно продвинет развитие производительных сил. Что касается «диких» чувств и взглядов людей, то они не так уж вечны, как это некоторые предполагают: было время, время первобытного коммунизма, когда человек не признавал частной собственности; наступило время, время индивидуалистического производства, когда частная собственность овладела чувствами и разумом людей; наступает новое время, время социалистического производства, – и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями. Разве бытие не определяет собой «чувства» и взгляды людей?

Но где доказательства неизбежности установления социалистического строя? Неизбежно ли за развитием современного капитализма последует социализм? Или, говоря иначе: откуда мы знаем, что пролетарский социализм Маркса не является лишь сладкой мечтой) фантазией? Где научные доказательства этого?

История показывает, что форма собственности находится в прямой зависимости от формы производства, вследствие чего с изменением формы производства рано или поздно неизбежно меняется и форма собственности. Было время, когда собственность имела коммунистический характер, когда леса и поля, в которых бродили первобытные люди, принадлежали всем, а не отдельным лицам. Почему тогда существовала коммунистическая собственность? Потому, что производство было коммунистическим, труд был общий, коллективный, –

все трудились сообща и не могли обойтись друг без друга. Наступило другое время, время мелкобуржуазного производства, когда собственность приняла индивидуалистический (частный) характер, когда все то, что необходимо человеку (за исключением, конечно, воздуха, солнечного света и т. п.), было признано частной собственностью. Почему произошло такое изменение? Потому, что производство стало индивидуалистическим, каждый стал трудиться сам на себя, забившись в свой угол. Наконец, наступает время, время крупного капиталистического производства, когда сотни и тысячи рабочих собираются под одной кровлей, на одной фабрике и заняты общим трудом. Здесь вы не увидите старой работы в одиночку, когда каждый тянул в свою сторону, – здесь каждый рабочий и все рабочие каждого цеха тесно связаны по работе как с товарищами из своего цеха, так и с другими цехами.

Достаточно остановиться какому-нибудь цеху, чтобы рабочие всей фабрики остались без дела. Как видите, процесс производства, труд, уже принял общественный характер, приобрел социалистический оттенок. И так происходит не только на отдельных фабриках, но и в целых отраслях и между отраслями производства: достаточно забастовать рабочим железной дороги, чтобы производство очутилось в тяжелом положении, достаточно остановиться производству нефти и каменного угля, чтобы спустя некоторое время закрылись целые фабрики и заводы. Ясно, что здесь процесс производства принял общественный, коллективистический характер. И так как общественному характеру производства не соответствует частный характер присвоения, так как современный коллективистический труд неизбежно должен привести к коллективной собственности, то само собой ясно, что социалистический строй с такой же неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следует день.

Так обосновывает история неизбежность пролетарского социализма Маркса.

* * *

История говорит нам, что тот класс или та социальная группа, которая играет главную роль в общественном производстве и которая держит в своих руках главные функции производства, с течением времени неизбежно должна стать хозяином этого производства. Было время, время матриархата, когда женщины считались хозяевами производства. Чем объяснить это? Тем, что в тогдашнем производстве, в первобытном земледелии, женщины в производстве играли главную роль, они выполняли главные функции, тогда как мужчины бродили по лесам в поисках зверя. Наступило время, время патриархата, когда господствующее положение в производстве перешло в руки мужчин. Почему произошло такое изменение? Потому, что в тогдашнем производстве, скотоводческом хозяйстве, где главными орудиями производства были копье, аркан, пук и стрела, главную роль играли мужчины... Наступает время, время крупного капиталистического производства, когда пролетарии начинают играть главную роль в производстве, когда все главные производственные функции переходят в их руки, когда без них производство не может существовать ни одного дня (вспомним всеобщие стачки), когда капиталисты не только не нужны для производства, но даже мешают ему. А что это означает? Это означает, что либо совершенно должна разрушиться всякая общественная жизнь, либо пролетариат, рано или поздно, но неизбежно, должен стать хозяином современного производства, его единственным собственником, его социалистическим собственником.

Современные промышленные кризисы, которые поют отходную капиталистической собственности и решительно ставят вопрос: либо капитализм, либо социализм, – делают этот вывод совершенно очевидным, наглядно вскрывают паразитизм капиталистов и неизбежность победы социализма.

Вот как еще обосновывает история неизбежность пролетарского социализма Маркса.

Не на сентиментальных чувствах, не на отвлеченной «справедливости», не на любви к пролетариату, а на приведенных выше научных основаниях строится пролетарский социализм.

Вот почему пролетарский социализм называется также «научным социализмом».

Энгельс еще в 1877 году говорил:

«Если бы наша уверенность относительно надвигающегося переворота в современном способе распределения продуктов труда... опиралась только на сознание, что этот способ распределения несправедлив и что справедливость должна же когда-нибудь восторжествовать, то наше дело обстояло бы плохо и нам пришлось бы долго ждать...» Самое главное в этом деле заключается в том, что «порожденные современным капиталистическим способом производства производительные силы и созданная им система распределения хозяйственных благ пришли в вопиющее противоречие с этим самым способом производства, притом в такой степени, что необходим переворот в способе производства и распределения, который устранил бы все классовые различия, если хотят избежать гибели всего современного общества. На этом осязательном материальном факте... а не на представлениях того или другого кабинетного мыслителя о правом и неправом, основана уверенность в победе современного социализма» (см. «Анти-Дюринг»).

Это, конечно, не означает того, что раз капитализм разлагается, то социалистический строй можно установить в любое время, – когда только захотим, Так думают только анархисты и другие мелкобуржуазные идеологи. Социалистический идеал не является идеалом всех классов. Это идеал только пролетариата, и в осуществлении его непосредственно заинтересованы не все классы, а только пролетариат. А это значит, что пока пролетариат составляет небольшую часть общества, до тех пор установление социалистического строя невозможно. Гибель старой формы производства, дальнейшее укрупнение капиталистического производства и пролетаризация большинства общества – вот какие условия необходимы для осуществления социализма, Но этого еще не достаточно. Большинство общества может быть уже пролетаризировано, но социализм, тем не менее, может еще не осуществиться. И это потому, что для осуществления социализма, кроме всего этого, необходимо еще классовое сознание, сплочение пролетариата и умение руководить своим собственным делом. Для приобретения же всего этого, в свою очередь, необходима так называемая политическая свобода, т. е. свобода слова, печати, стачек и союзов, словом, свобода классовой борьбы. Политическая же свобода обеспечена не везде одинаково. Поэтому пролетариату не безразлично, в каких условиях ему придется вести борьбу: в самодержавно-крепостнических (Россия), монархически-конституционных (Германия), крупно буржуазно-республиканских (Франция) или в демократически-республиканских условиях (которых требует российская социал-демократия). Наилучшим образом и наиболее полно политическая свобода обеспечена в демократической республике, разумеется, поскольку она вообще может быть обеспечена при капитализме. Поэтому все сторонники пролетарского социализма обязательно добиваются введения демократической республики как наилучшего «моста» к социализму.

Вот почему марксистская программа в современных условиях делится на две части: программу-максимум, ставящую целью социализм, и программу-минимум, имеющую целью проложить путь к социализму через демократическую республику.

* * *

Как должен действовать пролетариат, на какой путь он должен стать для того, чтобы сознательно осуществить свою программу, свергнуть капитализм и построить социализм?

Ответ ясный: пролетариат не сможет достигнуть социализма примирением с буржуазией, – он обязательно должен стать на путь борьбы, и эта борьба должна быть классовой борьбой, борьбой всего пролетариата против всей буржуазии. Либо буржуазия с ее капитализмом, либо пролетариат с его социализмом! Вот на чем должны основываться действия пролетариата, его классовая борьба.

Но классовая борьба пролетариата имеет многообразные формы. Классовой борьбой является, например, стачка – все равно, будет она частичной или всеобщей. Классовой борьбой являются, несомненно, бойкот, саботаж. Классовой борьбой являются также манифестации, демонстрации, участие в представительных учреждениях и пр. – все равно, будут ли это общие парламенты или местные самоуправления. Все это различные формы одной и той же классовой борьбы. Мы не будем здесь выяснять, какая из форм борьбы имеет большее значение для пролетариата в его классовой борьбе, заметим только, что в свое время и на своем месте каждая из них безусловно нужна пролетариату, как необходимое средство для развития его самосознания и организованности. А самосознание и организованность необходимы пролетариату, как воздух. Но следует также заметить и то, что для пролетариата все эти формы борьбы являются только подготовительными средствами, что ни одна из этих форм, отдельно взятая, не представляет собой решающего средства, при помощи которого пролетариат сумеет разрушить капитализм. Нельзя раздуть капитализм только всеобщей стачкой: всеобщая стачка может подготовить только некоторые условия для разрушения капитализма. Немыслимо, чтобы пролетариат мог свергнуть капитализм только своим участием в парламенте: при помощи парламентаризма могут быть подготовлены только некоторые условия для свержения капитализма.

В чем же заключается то решающее средство, при помощи которого пролетариат свергнет капиталистический строй?

Таким средством является социалистическая революция. Забастовки, бойкот, парламентаризм, манифестация, демонстрация – все эти формы борьбы хороши, как средства, подготавливающие и организующие пролетариат. Но ни одно из этих средств не в состоянии уничтожить существующего неравенства. Необходимо, чтобы все эти средства сосредоточились в одном главном и решающем средстве, необходимо пролетариату подняться и повести решительную атаку на буржуазию, чтобы до основания разрушить капитализм. Именно таким главным и решающим средством является социалистическая революция.

Социалистическую революцию нельзя рассматривать, как неожиданный и кратковременный удар, это длительная борьба пролетарских масс, которые наносят буржуазии поражение и захватывают ее позиции. И так как победа пролетариата в то же время будет господством над побежденной буржуазией, так как во время столкновения классов поражение одного класса означает господство другого, – то первой ступенью социалистической революции будет политическое господство пролетариата над буржуазией.

Социалистическая диктатура пролетариата, захват власти пролетариатом – вот чем должна начаться социалистическая революция.

А это значит, что пока буржуазия полностью не побеждена, пока богатство у нее не будет конфисковано, пролетариат обязательно должен иметь в своем распоряжении военную силу, у него обязательно должна быть своя «пролетарская гвардия», с помощью которой он отразит контрреволюционные атаки умирающей буржуазии, точно так же, как это было у парижского пролетариата во время Коммуны.

Социалистическая же диктатура пролетариата необходима для того, чтобы при ее помощи пролетариат мог экспроприировать буржуазию, чтобы при ее помощи конфисковать у всей буржуазии землю, леса, фабрики и заводы, машины, железные дороги и т. д.

Экспроприация буржуазии – вот к чему должна привести социалистическая революция.

Таково то главное прощающее средство, при помощи которого пролетариат низвергнет современный капиталистический строй.

Поэтому Карл Маркс еще в 1847 году говорил:

«...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс... Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в

руках... пролетариата, организованного как господствующий класс...» (см. «Коммунистический манифест»).

Вот каким путем должен идти пролетариат, если он хочет осуществить социализм.

Из этого общего принципа вытекают и все остальные тактические взгляды. Забастовки, бойкот, демонстрации, парламентаризм только постольку имеют значение, поскольку они способствуют организации пролетариата, укреплению и расширению его организаций для совершения социалистической революции.

* * *

Итак, для осуществления социализма необходима социалистическая революция, а социалистическая революция должна начаться диктатурой пролетариата, т. е. пролетариат должен захватить в свои руки политическую власть, чтобы при ее помощи экспроприировать буржуазию.

Но для всего этого необходимы организованность пролетариата, сплочение пролетариата, его объединение, создание крепких пролетарских организаций и их непрерывный рост.

Какие формы должны принять организации пролетариата?

Самые распространенные и массовые организации – это профессиональные союзы и рабочие кооперативы (преимущественно производственно-потребительские кооперативы). Цель союзов – борьба (главным образом) против промышленного капитала за улучшение положения рабочих в рамках современного капитализма. Цель кооперативов – борьба (главным образом) против торгового капитала за расширение потребления рабочих путем снижения цен на предметы первой необходимости, разумеется, в рамках того же капитализма. Как профсоюзы, так и кооперативы безусловно необходимы пролетариату как средства, организующие пролетарскую массу. Поэтому, с точки зрения пролетарского социализма Маркса и Энгельса, пролетариат должен ухватиться за обе эти формы организации, укрепить и усилить их, – конечно, поскольку это позволяют существующие политические условия.

Но одни только профессиональные союзы и кооперативы не могут удовлетворить организационных нужд борющегося пролетариата. И это потому, что упомянутые организации не могут выйти за рамки капитализма, ибо целью их является улучшение положения рабочих в рамках капитализма. Но рабочие хотят полного освобождения от капиталистического рабства, они хотят разбить эти самые рамки, а не только возвращаться в рамках капитализма. Следовательно, нужна еще такая организация, которая соберет вокруг себя сознательные элементы рабочих всех профессий, превратит пролетариат в сознательный класс и поставит своей главной целью разгром капиталистических порядков, подготовку социалистической революции.

Такой организацией является социал-демократическая партия пролетариата.

Эта партия должна быть классовой партией, совершенно независимой от других партий, – и это потому, что она есть партия класса пролетариев, освобождение которых может совершиться только их же собственными руками.

Эта партия должна быть революционной партией, – и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путем, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого сознательного пролетария, – и это потому, что освобождение рабочих – это не национальный, а социальный вопрос, имеющий одинаковое значение как для пролетария-грузина, так и для русского пролетария и для пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии различных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними национальные перегородки, тем сильнее будет пар-

тия пролетариата, тем больше будет облегчена организация пролетариата в один нераздельный класс.

Поэтому необходимо, насколько это возможно, провести в организациях пролетариата принцип централизма в противоположность федералистской раздробленности, – все равно, будут ли этими организациями партия, союзы или кооперативы.

Ясно также и то, что все эти организации должны строиться на демократической основе, разумеется, поскольку этому не помешают какие-либо политические и иные условия.

Каковы должны быть взаимоотношения между партией, с одной стороны, и кооперативами и союзами – с другой? Должны ли эти последние быть партийными или беспартийными? Решение этого вопроса зависит от того, где и в каких условиях приходится бороться пролетариату. Во всяком случае, несомненно, что и союзы и кооперативы развиваются тем полнее, чем в более дружественных отношениях они находятся с социалистической партией пролетариата. И это потому, что обе эти экономические организации, если они не стоят близко к крепкой социалистической партии, нередко мельчают, предаются забвению общеклассовые интересы в пользу узко профессиональных интересов и тем приносят большой вред пролетариату. Поэтому необходимо при всех случаях обеспечить идейно-политическое влияние партии на союзы и кооперативы. Только при этом условии упомянутые организации превратятся в ту социалистическую школу, которая организует в сознательный класс распыленный на отдельные группы пролетариат.

Таковы в общем характерные черты пролетарского социализма Маркса и Энгельса.

* * *

Как смотрят на пролетарский социализм анархисты?

Прежде всего необходимо знать, что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним «преклоняются» пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» – они живые вожди живого пролетарского движения, которое растет и крепнет с каждым днем. Кто борется против этого учения, кто хочет его «ниспровергнуть», тот должен хорошо учесть все это, чтобы зря не расшибить себе лоб в неравной борьбе. Это хорошо известно гг. анархистам. Поэтому в борьбе с Марксом и Энгельсом они прибегают к совершенно необычному, своего рода новому оружию.

Что же это за новое оружие? Новое ли это исследование капиталистического производства? Опровержение ли это «Капитала» Маркса? Конечно, нет! Или, быть может, они, вооружившись «новыми фактами» и «индуктивным» методом, «научно» опровергают «евангелие» социал-демократии – «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса? Опять же нет! Так что же представляет собой это необыкновенное средство?

Это – обвинение Маркса и Энгельса в «литературном воровстве»! Что бы вы думали? Оказывается, у Маркса и Энгельса нет ничего своего, научный социализм есть выдумка, и это потому, что «Коммунистический манифест» Маркса – Энгельса от начала до конца «украден» из «Манифеста» Виктора Консидерана. Это, конечно, очень смешно, но «несравненный вождь» анархистов В. Черкезишвили с таким апломбом повествует нам эту забавную историю, а некий Пьер Рамус, этот легкомысленный «апостол» Черкезишвили, и наши доморощенные анархисты с таким рвением повторяют это «открытие», что стоит хотя бы вкратце остановиться на этой «истории».

Послушайте-ка Черкезишвили:

«Вся теоретическая часть «Коммунистического манифеста», а именно первая и вторая главы... взяты у В. Консидерана. Следовательно, «Манифест» Маркса и Энгельса – эта библия легальной революционной демократии – представляет собой лишь неуклюжую перефрази-

ровку «Манифеста» В. Консидерана. Маркс и Энгельс присвоили не только содержание «Манифеста» Консидерана, но... позаимствовали даже отдельные заголовки» (см. сборник статей Черкезишвили, Рамуса и Лабриолы, изданный на немецком языке под названием: «Происхождение «Коммунистического манифеста»», стр. 10).

То же самое повторяет другой анархист, П. Рамус: «Можно решительно утверждать, что главное их (Маркса – Энгельса) произведение («Коммунистический манифест») просто кража (плагиат), бессовестная кража, но они списали его не слово в слово, как поступают обыкновенные воры, а украли только мысли и теории...» (см. там же, стр. 4).

То же самое повторяют и наши анархисты в «Набата», «Муша», «Хма» и т. д.

Итак, оказывается, научный социализм с его теоретическими основами «украден» из «Манифеста» Консидерана.

Существуют ли какие-либо основания для подобного утверждения?

Кто такой В. Консидеран?

Кто такой Карл Маркс?

В. Консидеран, умерший в 1893 году, был учеником утописта Фурье и остался неисправимым утопистом, который видел «спасение Франции» в примирении классов.

Карл Маркс, умерший в 1883 году, был материалистом, врагом утопистов, он видел залог освобождения человечества в развитии производительных сил и в борьбе классов.

Что общего между ними?

Теоретической основой научного социализма является материалистическая теория Маркса – Энгельса. С точки зрения этой теории, развитие общественной жизни полностью определяется развитием производительных сил. Если за помещичье-крепостническим строем последовал буржуазный строй, то «виной» этому было то, что развитие производительных сил сделало неизбежным возникновение буржуазного строя. Или еще: если за современным буржуазным строем неизбежно последует социалистический строй, то это потому, что этого требует развитие современных производительных сил. Отсюда проистекает историческая необходимость разрушения капитализма и установления социализма. Отсюда же проистекает то марксистское положение, что свои идеалы мы должны искать в истории развития производительных сил, а не в головах людей.

Такова теоретическая основа «Коммунистического манифеста» Маркса – Энгельса (см. «Коммунистический манифест», главы I, II).

Говорит ли что-либо подобное «Демократический манифест» В. Консидерана? Стоит ли Консидеран на материалистической точке зрения?

Мы утверждаем, что ни Черкезишвили, ни Рамус, ни наши «нобати́сты» не приводят из «Демократического манифеста» Консидерана ни одного заявления, ни одного слова, которое бы подтверждало, что Консидеран был материалистом и эволюцию общественной жизни основывал на развитии производительных сил. Наоборот, мы очень хорошо знаем, что Консидеран известен в теории социализма как идеалист-утопист (см. Поль Луи, «История социализма во Франции»).

Так что же побуждает этих странных «критиков» к пустой болтовне, зачем берутся они за критику Маркса и Энгельса, если они неспособны даже отличить идеализм от материализма? Неужели для того, чтобы людей насмешить?..

Тактической основой научного социализма является учение о непримиримой классовой борьбе, ибо это – лучшее оружие в руках пролетариата. Классовая борьба пролетариата – это то оружие, при помощи которого он завоюет политическую власть и затем экспроприирует буржуазию для установления социализма.

Такова тактическая основа научного социализма, изложенного в «Манифесте» Маркса – Энгельса.

Говорится ли что-либо подобное в «Демократическом манифесте» Консидерана? Признает ли Консидеран классовую борьбу лучшим оружием в руках пролетариата?

Как видно из статей Черкезишвили и Рамуса (см. указанный выше сборник), в «Манифесте» Консидерана об этом нет ни слова, – в нем лишь отмечается борьба классов как печальный факт. Что же касается классовой борьбы, как средства разрушения капитализма, то вот что говорит об этом Консидеран в своем «Манифесте»:

«Капитал, труд и таланты – вот три основных элемента производства, три источника богатства, три колеса промышленного механизма... Три класса, которые представляют их, имеют «общие интересы»; их задача состоит в том, чтобы заставить машины работать на капиталистов и на народ... Перед ними... великая цель объединения всех классов единством нации...» (см. брошюру К. Каутского «Коммунистический манифест – плагиат», стр. 14, где приводится это место из «Манифеста» Консидерана).

Все классы, соединяйтесь! – вот какой лозунг провозглашает В. Консидеран в своем «Демократическом манифесте».

Что общего между этой тактикой примирения классов и тактикой непримиримой классовой борьбы Маркса – Энгельса, которые решительно призывают: пролетарии всех стран, соединяйтесь против всех антипролетарских классов?

Конечно, нет ничего общего!

Так что за вздор мелют эти гг. Черкезишвили и их легкомысленные подголоски! Не принимают ли они нас за покойников?

Неужели они думают, что мы не выведем их на чистую воду?!

Наконец, интересно еще одно обстоятельство. В. Консидеран прожил до 1893 года. В 1843 году он издал свой «Демократический манифест». В конце 1847 года Маркс и Энгельс написали свой «Коммунистический манифест». С тех пор «Манифест» Маркса – Энгельса неоднократно переиздавался на всех европейских языках. Всем известно, что Маркс и Энгельс своим «Манифестом» создали эпоху. Несмотря на это, нигде, ни разу ни Консидеран, ни его друзья не заявляли, при жизни Маркса и Энгельса, что Маркс и Энгельс украли «социализм» из «Манифеста» Консидерана. Не странно ли это, читатель?

Так что же побуждает этих «индуктивных» выскочек... извините, – «ученых» – болтать чепуху? От чьего имени они говорят? Неужели они лучше Консидерана знают его «Манифест»? Или, может быть, они полагают, что В. Консидеран и его сторонники не читали «Коммунистического манифеста»?

Однако довольно... Довольно, так как и сами анархисты не обращают серьезного внимания на донкихотский поход Рамуса – Черкезишвили: слишком уж очевиден бесславный конец этого смехотворного похода, чтобы уделять ему много внимания...

Перейдем к критике по существу.

Анархисты одержимы одним недугом: они очень любят «критиковать» партии своих противников, но не дают себе труда хоть сколько-нибудь ознакомиться с этими партиями. Мы видели, что анархисты так именно и поступили, «критикуя» диалектический метод и материалистическую теорию социал-демократов (см. главы I и II). Они так же поступают и тогда, когда касаются теории научного социализма социал-демократов.

Возьмем хотя бы следующий факт. Кому не известно, что между эсерами и социал-демократами существуют принципиальные расхождения. Кому не известно, что первые отрицают марксизм, материалистическую теорию марксизма, его диалектический метод, его программу, классовую борьбу, – тогда как социал-демократы всецело опираются на марксизм? Для того, кто хоть краем уха слышал о полемике между «Революционной Россией» (орган эсеров) и «Искрой» (орган социал-демократов), само собой должно стать очевидным это принципиальное различие. Но что вы скажете о тех «критиках», которые не видят этого различия и кричат, будто и эсеры и социал-демократы являются марксистами? Так, например, анархисты утвер-

ждает, что «Революционная Россия» и «Искра» – оба эти органа являются марксистскими органами (см. сборник анархистов «Хлеб и воля», стр. 202).

Таково «знакомство» анархистов с принципами социал-демократии!

После этого, само собой ясно, насколько основательна их «научная критика»...

Рассмотрим и эту «критику».

Главное «обвинение» анархистов состоит в том, что они не признают социал-демократов подлинными социалистами, вы – не социалисты, вы – враги социализма, твердят они.

Вот что пишет об этом Кропоткин:

«...Мы приходим к другим заключениям, чем большинство экономистов... социал-демократической школы... Мы... доходим до вольного коммунизма, тогда как большинство социалистов (подразумевай и социал-демократов. Автор) доходит до государственного капитализма и коллективизма» (см. Кропоткин) «Современная наука и анархизм», стр. 74–75).

В чем же заключается «государственный капитализм» и «коллективизм» социал-демократов?

Вот что пишет об этом Кропоткин:

«Немецкие социалисты говорят, что все накопленные богатства должны быть сосредоточены в руках государства, которое предоставит их рабочим ассоциациям, организует производство и обмен и будет следить за жизнью и работой общества» (см. Кропоткин, «Речи бунтовщика», стр. 64).

И дальше:

«В своих проектах... коллективисты делают... двойную ошибку, Они хотят уничтожить капиталистический строй, и вместе с тем сохраняют два учреждения, которые составляют основание этого строя: представительное правление и наемный труд» (см. «Завоевание хлеба», стр. 148)... «Коллективизм, как известно... сохраняет... наемный труд. Только... представительное правительство... становится на место хозяина...» Представители этого правительства «оставляют за собою право употреблять в интересах всех прибавочную ценность, получаемую от производства. Кроме того, в этой системе устанавливают различие... между трудом рабочего и трудом человека обучавшегося: труд чернорабочего, на взгляд коллективиста, – труд простой, тогда как ремесленник, инженера ученый и пр. занимаются тем, что Маркс называет трудом сложными и имеют право на высшую заработную плату» (там же, стр. 52). Таким образом рабочие будут получать необходимые им продукты не по их потребностям, а по «пропорционально оказанным обществу услугам» (см. там же, стр. 157).

То же самое, только с большим апломбом, повторяют и грузинские анархисты. Среди них особенно выделяется своей бесшабашностью г-н Baton. Он пишет:

«Что такое коллективизм социал-демократов? Коллективизм, или, вернее говоря, государственный капитализм, основывается на следующем принципе: каждый должен работать столько, сколько хочет, или столько, сколько определит государство, получая в виде вознаграждения стоимость своего труда товаром...» Значит, здесь «необходимо законодательное собрание... необходима (также) исполнительная власть, т. е. министры, всякие администраторы, жандармы и шпионы, возможно, и войско, если будет слишком много недовольных» (см. «Нобати» № 5, стр. 68–69).

Таково первое «обвинение» г-д анархистов против социал-демократии.

* * *

Итак, из рассуждений анархистов следует, что: 1. По мнению социал-демократов, социалистическое общество невозможно якобы без правительства, которое в качестве главного хозяина будет нанимать рабочих и обязательно будет иметь «министров... жандармов, шпионов». 2. В социалистическом обществе, по мнению социал-демократов, не будет якобы уничтожено

деление на «черную» и «белую» работу, там будет отвергнут принцип: «каждому по его потребностям» – и будет признаваться другой принцип: «каждому по его заслугам».

На этих двух пунктах построено «обвинение» анархистов против социал-демократии.

Имеет ли это «обвинение», выдвигаемое гг. анархистами, какое-либо основание?

Мы утверждаем: все, что говорят в данном случае анархисты, является либо результатом недомыслия, либо недостойной сплетней. Вот факты.

Еще в 1846 году Карл Маркс говорил: «Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти...» (см. «Нищета философии»).

Спустя год ту же мысль высказали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» («Коммунистический манифест», глава II).

В 1877 году Энгельс писал: «Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества – обращение средств производства в общественную собственность, – будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою... Государство не «отменяется», оно отмирает» («Анти-Дюринг»).

В 1884 году тот же Энгельс писал: «Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве... На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало... необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

То же самое Энгельс повторяет в 1891 году (см. Введение к «Гражданской войне во Франции»).

Как видите, по мнению социал-демократов, социалистическое общество – это такое общество, в котором не будет места так называемому государству, политической власти с ее министрами, губернаторами, жандармами, полицейскими и солдатами. Последним этапом существования государства будет период социалистической революции, когда пролетариат захватит в свои руки государственную власть и создаст свое собственное правительство (диктатуру) для окончательного уничтожения буржуазии. Но когда буржуазия будет уничтожена, когда будут уничтожены классы, когда утвердился социализм, тогда не нужно будет никакой политической власти, – и так называемое государство отойдет в область истории.

Как видите, указанное «обвинение» анархистов представляет сплетню, лишённую всякого основания.

Что касается второго пункта «обвинения», то об этом Карл Маркс говорит следующее:

«На высшей фазе коммунистического (т. е. социалистического) общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезает вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд... станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»» («Критика Готской программы»).

Как видите, по мнению Маркса, высшая фаза коммунистического (т. е. социалистического) общества – это такой строй) в котором деление на «черную» и «белую» работу и противоречие между умственным и (физическим трудом полностью устранены, труд уравнен и в обществе господствует подлинно коммунистический принцип: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Здесь нет места наемному труду.

Ясно, что и это «обвинение» лишено всякого основания. Одно из двух: либо г-да анархисты и в глаза не видели вышеуказанных работ Маркса и Энгельса и занимаются «критикой» понаслышке, либо они знакомы с указанными трудами Маркса и Энгельса, но заведомо лгут.

Такова судьба первого «обвинения».

* * *

Второе «обвинение» анархистов заключается в том, что они отрицают революционность социал-демократии. Вы – не революционеры) вы отрицаете насильственную революцию, вы хотите установить социализм только посредством избирательных бюллетеней, – говорят нам г-да анархисты.

Послушайте:

«...Социал-демократы... любят декламировать на тему “революция”, “революционная борьба”, “борьба с оружием в руках”... Но если вы, по простоте душевной, попросите у них оружия, они вам торжественно подадут билетик для подачи голоса при выборах...» Они уверяют, что «единственно целесообразная тактика, приличная революционерам, – мирный и легальный парламентаризм с присягой верности капитализму, установленной власти и всему существующему буржуазному строю» (см. сборник «Хлеб и воля», стр. 21, 22–23).

То же самое говорят грузинские анархисты, разумеется, с еще большим апломбом. Возьмите хотя бы Baton’a, который пишет:

«Вся социал-демократия... открыто заявляет, что борьба при помощи винтовки и оружия является буржуазным методом революции и что только посредством избирательных бюллетеней, только посредством всеобщих выборов, партии могут завладеть властью и затем через парламентское большинство и законодательство преобразовать общество» (см. «Захват государственной власти», стр. 3–4).

Так говорят г-да анархисты о марксистах. Имеет ли это «обвинение» какое-либо основание?

Мы заявляем, что анархисты и здесь проявляют свое невежество и страсть к сплетням. Вот факты.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс еще в конце 1847 года писали:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией.

Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (см. «Манифест коммунистической партии». В некоторых легальных изданиях в переводе пропущено несколько слов).

В 1850 году, в ожидании нового выступления в Германии, Карл Маркс писал тогдашним немецким товарищам:

«Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом они не должны сдавать... рабочие должны... организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командиром и генеральным штабом...» И это «должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания» (см. «Кельнский процесс». Обращение Маркса к коммунистам).

В 1851–52 годах Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «...Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания... Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов... надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя. Одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контрреволюция в Германии»).

Мы думаем, что здесь речь идет не только об «избирательных бюллетенях».

Наконец, вспомните историю Парижской Коммуны, вспомните, как мирно действовала Коммуна, когда она, удовлетвоваввшись победой в Париже, отказалась от нападения на Версаль, на это гнездо контрреволюции. Как вы думаете: что говорил тогда Маркс? Призывал ли он парижан на выборы? Одобрял ли он беспечность парижских рабочих (весь Париж был в руках рабочих), одобрял ли он их великодушное отношение к побежденным версальцам? Послушайте Маркса:

«Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания... они восстают под прусскими штыками... История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушные». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж!» («Письма к Кугельману»).

Так думали и действовали Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Так думают и действуют социал-демократы. А анархисты все твердят: Маркса и Энгельса и их последователей интересуют только избирательные бюллетени, – они не признают насильственных революционных действий!

Как видите, это «обвинение» также представляет собой сплетню, вскрывающую невежество анархистов насчет существа марксизма.

Такова судьба второго «обвинения».

* * *

Третье «обвинение» анархистов заключается в том, что они отрицают народный характер социал-демократии, изображают социал-демократов бюрократами и утверждают, что социал-демократический план диктатуры пролетариата есть смерть для революции, причем поскольку социал-демократы стоят за такую диктатуру, они на деле хотят установить не диктатуру пролетариата, а свою собственную диктатуру над пролетариатом.

Послушайте г. Кропоткина:

«Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой... Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были ее намерения, ведет к смерти революции. Мы знаем... что идея диктатуры есть не что иное, как зловредный продукт правительственного фетишизма, который... всегда стремился увековечить рабство» (см. Кропоткин) «Речи бунтовщика», стр. 131). Социал-демократы признают не только революционную диктатуру, но они «сторонники диктатуры над пролетариатом... Рабочие интересны для них постольку, поскольку они являются дисциплинированной армией в их руках... Социал-демократия стремится, посредством пролетариата, забрать в свои руки государственную машину» (см. «Хлеб и воля», стр. 62, 63).

То же самое говорят грузинские анархисты:

«Диктатура пролетариата в прямом смысле совершенно невозможна) так как сторонники диктатуры являются государственниками и их диктатура будет не свободной деятельностью всего пролетариата, а установлением во главе общества той же представительной власти, которая существует и ныне» (см. Baton, «Захват государственной власти», стр. 45). Социал-демократы стоят за диктатуру не для того, чтобы содействовать освобождению пролетариата, но для того, чтобы... «своим господством установить новое рабство» (см. «Нобати» № 1, стр. 5. Baton).

Таково третье «обвинение» гг. анархистов.

Не требуется много труда, чтобы разоблачить эту очередную клевету анархистов, рассчитанную на обман читателя.

Мы не будем здесь заниматься разбором глубоко ошибочного взгляда Кропоткина, согласно которому всякая диктатура – смерть для революции. Об этом мы поговорим потом, когда будем разбирать тактику анархистов. Сейчас мы хотим коснуться только лишь самого «обвинения».

Еще в конце 1847 года Карл Маркс и Фридрих Энгельс говорили, что для установления социализма пролетариат должен завоевать политическую диктатуру, чтобы при помощи этой диктатуры отразить контрреволюционные атаки буржуазии и отобрать у нее средства производства, что эта диктатура должна быть диктатурой не нескольких лиц, а диктатурой всего пролетариата, как класса:

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках... пролетариата, организованного как господствующий класс...» (см. «Коммунистический манифест»).

То есть диктатура пролетариата будет диктатурой всего класса пролетариата над буржуазией, а не господством нескольких лиц над пролетариатом.

В дальнейшем они повторяют эту же мысль почти во всех своих произведениях, как, например, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции», в «Революции и контрреволюции в Германии», в «Анти-Дюринге» и в других своих работах.

Но это не все. Для уяснения того, как понимали Маркс и Энгельс диктатуру пролетариата, для уяснения того, насколько осуществимой они считали эту диктатуру, для всего этого очень интересно знать их отношение к Парижской Коммуне. Дело в том, что диктатура пролетариата встречает нарекания не только среди анархистов, но среди городских мелких буржуа, в том числе всяких мясников и трактирщиков – среди всех тех, кого Маркс и Энгельс называли филистерами. Вот что говорит Энгельс о диктатуре пролетариата, обращаясь к таким филистерам:

«В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (см. «Гражданская война во Франции». Введение Энгельса).

Как видите, Энгельс представлял себе диктатуру пролетариата в виде Парижской Коммуны.

Ясно, что всякий, кто хочет узнать, что такое в представлении марксистов диктатура пролетариата, тот должая ознакомиться с Парижской Коммуной. Обратимся и мы к Парижской Коммуне. Если окажется, что Парижская Коммуна действительно была диктатурой отдельных лиц над пролетариатом, – тогда долой марксизм, долой диктатуру пролетариата! Но если мы увидим, что Парижская Коммуна на самом деле была диктатурой пролетариата над буржуазией, – тогда... тогда от всей души посмеемся над анархистскими сплетниками, которым в борьбе с марксистами ничего не остается делать, как выдумывать сплетни.

История Парижской Коммуны имеет два периода: первый период, когда делами в Париже руководил известный «Центральный комитет», и второй период, когда по исчерпанию полномочий «Центрального комитета» руководство делами было передано только что избранной Коммуне. Что представлял собой «Центральный комитет», из кого он состоял? Перед нами лежит «Народная история Парижской Коммуны» Артура Арну, которая, по словам Арну, кратко отвечает на этот вопрос. Борьба еще только начиналась, когда около 300 000 парижских рабочих, организовавшись в роты и батальоны, избрали из своей среды делегатов* Так был составлен «Центральный комитет».

«Все эти граждане (члены «Центрального комитета»), выбранные частичными выборами своих рот или батальонов, – говорит Арну, – были известны только тем небольшим группам, чьими делегатами они являлись. Что это за люди, каковы они и что они хотят делать?» Это было «анонимное правительство, состоящее почти исключительно из простых рабочих и мелких служащих, три четверти имен которых не были известны за пределами их улицы или конторы... Традиция была нарушена. Нечто неожиданное произошло в мире. Там не было ни одного члена правящих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатом, ни депутатом, ни журналистом, ни генералом, Вместо них рудокоп из Крезе, переплетчик, повар и т. д.» (см. «Народная история Парижской Коммуны», стр. 107).

Артур Арну продолжает:

«Мы, – заявляли члены «Центрального комитета», – неизвестные органы, послушное орудие в руках атакованного народа... Мы... служители народной воли, мы тут, чтобы быть его эхом, чтобы доставить ему торжество. Народ хочет Коммуны и мы останемся, чтобы приступить к выборам Коммуны. Ни больше, ни меньше. Эти диктаторы не поднимались выше и не спускались ниже толпы. Чувствовалось, что они живут с ней, в ней, посредством нее, что они советуются с ней каждую секунду, что они слушают и передают то, что слышат, стремясь только в сжатой форме... передать мнения трехсот тысяч человек» (см. там же, стр. 109).

Так вела себя Парижская Коммуна в первый период своего существования.

Такова была Парижская Коммуна. Такова диктатура пролетариата.

Перейдем теперь ко второму периоду Коммуны, когда вместо «Центрального комитета» действовала Коммуна. Говоря об этих двух периодах, продолжавшихся два месяца, Арну восторженно восклицает, что это была подлинная диктатура народа. Послушайте:

«Величественное зрелище, которое представлял этот народ в течение двух месяцев, дает нам силу и надежду... смотреть в глаза будущему. В течение этих двух месяцев в Париже была истинная диктатура, самая полная и бесспорная, диктатура не одного человека, а всего народа, – единственного господина положения... Эта диктатура продолжалась более двух месяцев без перерыва, с 18-го марта по 22-ое мая (1871 г.)...» Сама по себе «... Коммуна являлась только моральной властью и не имела другой материальной силы, кроме всеобщего сочувствия... граждан, народ явился властителем, единственным властителем, сам создал свою полицию и магистратуру...» (см. там же, стр. 242, 244).

Так характеризует Парижскую Коммуну член Коммуны, активный участник ее рукопашных боев, Артур Арну.

Так же характеризует Парижскую Коммуну другой ее член и такой же активный ее участник, Лиссагарэ (см. его книгу «История Парижской Коммуны»).

Народ как «единственный властитель», «не диктатура одного человека, а всего народа» – вот чем была Парижская Коммуна.

«Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата», – восклицал Энгельс к сверлению филистеров.

Вот, оказывается, что такое диктатура пролетариата в представлении Маркса и Энгельса.

Как видите, гг. анархисты так же знакомы с диктатурой пролетариата, с Парижской Коммуной, с марксизмом, который то и дело они «критикуют», как мы с вами, читатель, – с китайской грамотой.

Ясно, что диктатура бывает двоякого рода. Бывает диктатура меньшинства, диктатура небольшой группы, диктатура Треповых и Игнатьевых, направленная против народа. Во главе такой диктатуры стоит обычно камарилья, принимающая тайные решения и затягивающая петлю на шее у большинства народа.

Марксисты являются врагами такой диктатуры, причем они борются против такой диктатуры гораздо более упорно и самоотверженно, чем наши крикливые анархисты.

Есть диктатура и другого рода, диктатура пролетарского большинства, диктатура массы, направленная против буржуазии, против меньшинства. Здесь во главе диктатуры стоит масса, здесь нет места ни камарилье, ни тайным решениям) здесь все делается открыто, на улице, на митингах, – и это потому, что это – диктатура улицы, массы, диктатура, направленная против всяких угнетателей.

Такую диктатуру марксисты поддерживают «обеими руками», – и это потому, что такая диктатура есть величественное начало великой социалистической революции.

Гг. анархисты спутали эти две взаимно друг друга отрицающие диктатуры и потому-то очутились в смешном положении: они борются не с марксизмом, а со своей собственной фантазией) они сражаются не с Марксом и Энгельсом) а с ветряными мельницами, как это делал в свое время блаженной памяти Дон-Кихот... Такова судьба третьего «обвинения».

(Продолжение следует.) Газеты: «Ахали Дроеба» («Новое Время»)

№ 5, 6, 7 и 8; 11, 18, 25 декабря 1906 г.

и 1 января 1907 г.

«Чвени Цховреба» («Наша Жизнь»)

№№ 3, 5, 8 и 9; 21, 23, 27 и

28 февраля 1907 г.

«Дро» («Время») №№ 21, 22, 23 и 26;

4, 5, 6 и 10 апреля 1907 г.

Подпись: Ко...

Перевод с грузинского

Марксизм и национальный вопрос

Период контрреволюции в России принес не только «гром и молнию», но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в «светлое будущее», – и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, – и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! «Национальная проблема» прежде всего!

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России, Последние должны были придти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время «конституционный режим». Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению «национальных чувств». Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие», – вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, – все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия – дать отпор национализму, оградить массы от общего «поветрия». Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классово-борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи, и прежде всего – социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что «празднование субботы» и «признание жаргона» объявил он боевым пунктом своей избирательной компании. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. «культурно-национальную автономию», теперь ее выставляет как очередное требование. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания.

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех еще с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьезное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шел.

I. Нация

Что такое **нация**?

Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация – не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия – тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целостности России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак – **общность языка**, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и североамериканцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах, Но почему, например, англичане и североамериканцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени, образовала новую североамериканскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, **общность территории**, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое. Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами североамериканцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее, они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая

друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия как нация появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, **общность экономической жизни**, экономическая связность, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанного, нужно принять еще во внимание особенности духовного облика людей, объединенных в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом немалую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или – как его называют иначе – «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, – он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что «национальный характер» не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент, – он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим «национальным характером» и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т. д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и «национального характера». Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает вам нацию.

Может показаться, что «национальный характер» является не одним из признаков, а единственно существенным признаком нации, причем все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, напри-

мер, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру, «нация – это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей». Это – «культурная общность группы современных людей, не связанная с “землей”».

Итак – «союз» одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

«Что такое нация? – спрашивает он. – Есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию».

Так что же такое нация?

«Нация – это относительная общность характера».

Но что такое характер, в данном случае – национальный характер?

Национальный характер – это «сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой».

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет: «Характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой», что... «нация есть не что иное, как общность судьбы», в свою очередь определяемая «условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда».

Таким образом, мы пришли к наиболее «полному», как выражается Бауэр, определению нации.

«Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы».

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях как о нации, хотя и «вовсе не имеют они общего языка», но о какой «общности судьбы» и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на «судьбу» упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.